

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Рубеж XVII—XVIII вв. для России и Венгрии стал временем «тектонического разлома». Сближение России с Западом, даже если оно во многом было подготовлено эволюционным развитием предшествующих десятилетий, по воле царя-реформатора получило невиданное ускорение. За несколько десятилетий Московское государство превратилось в Российскую империю — фактор европейских международных отношений, с которым приходилось считаться ведущим державам Старого Света. Венгрия, освобожденная в конце XVII в. коалиционными войсками от полуторавекового османского владычества, не желала мириться с сопутствовавшим освобождению ограничением государственного суверенитета и проводившейся насильственными методами интеграцией во владения Австрийского дома. Война 1703—1711 гг. под руководством трансильванского князя Ференца II Ракоци стала самой отчаянной, хотя и безуспешной попыткой вернуть стране независимость и территориальную целостность силой оружия.

В типологии восстаний раннего Нового времени она считается наивысшей точкой так называемых куруцких (повстанческих) движений 1672—1735 гг., когда в условиях не прекращавшихся военных действий и политической нестабильности венгры под предводительством влиятельных аристократов или офицеров-дворян боролись против налогового бремени и за свободу вероисповедания. В движении, во главе которого встал князь Ференц II Ракоци, социально-экономические чаяния солдат-куруцев, облакавшиеся нередко в форму религиозных требований, причудливо переплелись с властными амбициями предводителя, искавшего политической (и не в последнюю очередь — военно-финансовой) поддержки у первейших врагов Габсбургов — Османской Порты и французского короля Людовика XIV*.

Именно на этот период пришлось попытка сближения двух государственных деятелей — мятежного князя Ракоци и царя Петра. Каждый из них преследовал собственные, во многом взаимоисключающие внешнеполитические интересы и, не исключено, отдавал отчет в малой вероятности долгосрочных отношений. Тем

* *Pálffy G.* Ewige Verlierer oder auch ewige Gewinner? Aufstände und Unruhen im frühneuzeitlichen Ungarn // Die Stimme der ewigen Verlierer? Aufstände, Revolten und Revolutionen in den österreichischen Ländern (ca. 1450—1815) / Hrsg. von P. Rauscher, M. Scheutz. Wien; München, 2013. S. 158, 161—162.

не менее 4 (15) сентября 1707 г. в Варшаве эмиссары двух государей подписали союзный договор. Даже в советский период, когда каждому подобному эпизоду придавалось преувеличенное значение, было трудно представить эту страницу в истории двусторонних отношений как нечто судьбоносное. Знарок истории российско-венгерских связей Я.И. Варади-Штернберг (1924–1992) осторожно подводил скромный итог: «Хотя многие условия этого договора оказались неосуществимыми вследствие временных успехов шведской армии, все же он имел большое значение. Между двумя государствами были установлены дружественные отношения, просуществовавшие до подавления освободительного движения в 1711 г. и выразившиеся во взаимной посылке послов и представителей, в обмене информацией, в свободном проходе подданных, в свободном провозе товаров»*. Однако ни дипломатическая активность Ракоци, ни личная храбрость куруцев не смогли переломить всё яснее обозначавшееся стремление династии и страны к компромиссу. В результате заключенный в 1711 г. в Сатмаре мирный договор между повстанцами и императором-королем открыл новую эпоху: прекращение вооруженного сопротивления в обмен на отказ венского двора от репрессивной политики.

Для современных историков Варшавский договор 1707 г. — это не повод во что бы то ни стало доказать прочность и нерушимость дружбы и взаимной приязни двух народов. Скорее это отправная точка в обсуждении хитросплетений большой европейской дипломатии, государственно-политической эволюции России и Венгрии, форм и направлений, по которым с XVIII в. происходило сближение пока еще мало знакомых друг с другом народов, места двух выдающихся исторических деятелей в исторической памяти их народов. Тем более что и Петр, и Ракоци были в последующие века «канонизированы» национальными историографиями, обрели почетное место в ряду излюбленных властью и народом героев, прочно поселились на страницах учебников, стали персонажами книг и фильмов.

Обозначенный выше круг проблем оказался в центре Российско-венгерской конференции историков, приуроченной к 300-летней годовщине поражения Освободительной войны 1703–1711 гг. и заключения Сатмарского мира, которая прошла 27–28 октября 2011 г. в рамках «Дней Ракоци» в Москве. Она была организована Культурным, научным и информационным центром Венгрии совместно с Институтом славяноведения РАН при поддержке межкаademicкой Комиссии историков России и Венгрии. В ней приняли участие ученые из Института славяноведения РАН, Института российской истории РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Института истории Венгерской академии наук, Сегедского университета, Эгерского педагогического института им. К. Эстерхази, Германского исторического института в Москве. Конференцию дополняла культурная программа, включавшая концерт Чабы Надя и Эвы Каналаш, исполнявших песни и марши куруцев; выставку факсимильных копий писем трансильванского князя к русскому царю Петру I из фондов Венгерского национального архива в Будапеште (подготовленную Иштваном Неметом); дегустацию токайских вин — излюбленного на-

* Штернберг Я.И. Письмо Ференца II Ракоци к Петру I // Исторический архив. 1958. № 2.

питка Петра Великого, производившегося в регионе, где располагались владения семейства Ракоци.

Сборник статей «Освободительная война 1703–1711 гг. в Венгрии и дипломатия Петра I» сформирован из переработанных текстов докладов, прозвучавших на конференции, и дополнен статьями приглашенных авторов. Венгерское слово *szabadságharc*, которым обозначают движение Ракоци, перевести на русский язык непросто: это и «освободительная борьба [против иноземного господства]», и «борьба за свободу [= политическую эмансипацию, независимость]», и «борьба [сословий] за [свои] свободы». В то же время размах движения, многие его черты, позволяющие говорить, по сути, о гражданской войне, допускают перевод этого термина на русский язык не как «восстание» или «борьба», а как «война». Поскольку объективно эта борьба велась не только за восстановление прав, свобод и привилегий сословий, но и порождала в сердцах тысяч современников надежды на объединение Венгрии, ее восстановление в статусе суверенного государства, представляется оправданным называть войну «освободительной» и в ряде контекстов писать слово с заглавной буквы. Эта традиция восходит к классическому трехтомному труду «История Венгрии» под редакцией Т.М. Исламова*. Одновременно редколлегия оставила за венгерскими авторами право переводить название движения Ракоци так, как им казалось более адекватным (о чем сделано соответствующее примечание в тексте).

Редколлегия не ставила задачей буквально следовать заявленной в заглавии сборника теме, но рассматривала международный контекст, в котором разворачивалась Освободительная война, и подробности дипломатических сношений между трансильванским князем и царем как повод для осмысления внешнеполитических резонансов и культурных последствий антигабсбургских движений, общеевропейского значения венгерских событий начала XVIII в., малоизученных аспектов российско-венгерских контактов.

Редколлегия выражает благодарность руководству Венгерского культурного, научного и информационного центра в Москве за высокий уровень проведения конференции, дирекции Института славяноведения РАН за помощь в издании этого сборника, Комиссии историков России и Венгрии и ее многолетнему партнеру — Институту истории Центра гуманитарных наук Венгерской академии наук — за усилия по поддержанию диалога между историками наших стран.

* История Венгрии: В 3 т. / Под ред. Т.М. Исламова, А.И. Пушкаша, В.П. Шушарина. М., 1971. Т. 1. С. 427.

К. Месарош

САТМАРСКИЙ МИР 1711 Г. И «НАДЕЖДА НА РУССКИХ»

ОЦЕНКИ МИРНОГО ДОГОВОРА В ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

29 апреля 1711 г. в городе Сатмар после восьми лет боевых действий родился окончательный текст документа, впоследствии известного как Сатмарский мир. Грамоту (от имени к тому времени уже три недели как покойного императора Священной Римской империи и венгерского короля Иосифа I) в тот же день подписали и скрепили печатью главнокомандующий императорскими вооруженными силами в Венгрии хорватский бан* граф Янош Палфи и приставленный к венгерскому аристократу венский придворный, военный советник Карл Лохер фон Линденхайм. На другой день, 30 апреля, на равнине близ Надьмайтена** 12-тысячное вооруженное куруцкое войско торжественно сложило знамена перед генералом Палфи, затем, сохранив при себе оружие, отправилось по домам (жители окрестных областей — в тот же день, выходцы из отдаленных комитатов — на другой день с дорожными в кармане). Барон Шандор Каройи в своем имении Надькарой вместе с главнокомандующим Палфи 1 мая подписали мирный договор в присутствии 45 человек (аристократов, дворян и высших офицеров), представлявших отдельно Венгрию, отдельно — Трансильванию. Этим актом (если быть точным, то после капитуляции еще несколько недель сопротивлявшихся Хуста, Унгвара и Мункача) завершилась самая продолжительная в истории Венгрии освободительная война.

Историческая оценка Сатмарского мира долгое время разделяла, и отчасти по сей день разделяет, с одной стороны, относительно узкий круг ученых-профессионалов и, с другой — куда более многочисленный лагерь тех, кто по политическим или мировоззренческим соображениям проявляет особый интерес к событиям национального прошлого. На отношение к мирному договору 1711 г. влияют, во-первых, оценки освободительной борьбы, которую вел Ференц II Ракоци, и, во-вторых, сопоставительный анализ возможностей, предо-

* Хорватский бан (*bán*) — наместник; третья по важности должность в сословной иерархии после палатина (*nádor*) и государственного судьи (*országbíró*).

** На том месте, где проходило сложение оружия, позднее возникло новое поселение — Кишмайтен. Ныне там установлен скромный памятник в честь этого события.

пределивших ее исход. К тому же при оценке «подписания мирного договора» наряду с относительно точно документированными общественно-, политико- и военно-историческими перспективами нередко применяется этический подход, определяемый главным образом субъективными человеческими факторами. Безрезультатность борьбы против национального угнетения, поражение народа в Освободительной войне можно объяснить в негативном контексте, в то время как оценки мирного периода, пришедшего на смену разрушительной и обреченной на поражение войне, могут иметь положительные оттенки. Противопоставление «идеальной» и «реальной» политики разрешает напряженные противоречия уже в более рациональной системе координат, поскольку не поступающий своими принципами и отвергающий мир Ракоци точно так же может служить моральным примером, как можно возвести в ранг государственных мужей фигуры вроде Каройи или Палфи, которые не упускали представлявшихся возможностей и были готовы идти на компромисс.

Наконец, за прошедшие триста лет у истории освободительной войны и венчавшего ее мирного договора непрерывно возникали идеологические и/или сиюминутно-политические проекции. Произведения, вышедшие из-под пера непосредственных участников событий (воспоминания Ракоци¹, автобиография Каройи², сочинение Пуйяи о Сатмарском мире³), написаны, естественно, с целью обелить себя и отчасти дать пищу для общественного мнения. В историографии XVIII в., напротив, решающую роль в оценке произошедшего играли династические и религиозные предпочтения авторов. Параллельно с этим народная традиция — причем не только в венгерской среде, но и среди населявших владения Ракоци русин и отчасти словаков — творила из князя «народного вождя»⁴. В XIX в., в период романтизма и национального пробуждения, Ракоци превратился в одного из героических персонажей венгерской истории, а в действующих лицах куруцких времен люди старались увидеть героев и предателей славного прошлого. В так называемую эпоху реформ, т. е. период, предшествовавший революции и освободительной войне 1848—1849 гг., как и в последовавший затем период репрессий, столь популярные в литературе и искусстве исторические темы (борьба против Габсбургов, «братоубийственные» войны куруцев и лабанцев*, безжалостные карательные акции) использовались для отвлечения общественного мнения от актуальных вопросов, а иногда их беззастенчивого «забалтывания», в конечном же итоге они просто обслуживали идеологию дворянской независимости⁵.

Помимо этого, современная историография систематически описывала колоссальные корпуса источников, чем внесла неопценимый вклад в фундаментальное изучение эпохи. В XIX в. ключевой фигурой в изучении освободительного движения Ракоци был Кальман Тали, безгранично восхищавшийся предметом исследования и практически присвоивший себе эту тематику. Он не чурался создавать литературные подделки (хотя потомки безосновательно придают слишком большое значение этому обстоятельству) и в спектре дворянской идеологии представлял либеральное направление. Традиции Ракоци превратились в культ⁶,

* Лабанцы — уничижительное прозвище венгров, сражавшихся на стороне Габсбургов. (Прим. перев.)

апогеем которого стало перезахоронение останков изгнанников в 1906 г. в Кашше⁷. Как следствие, в исторической науке закрепилось и усилилось влиятельное по сей день направление, рассматривающее и представляющее события с точки зрения самого Ракоци, транслирующее его оценки причин и целей освободительной борьбы и отношение к Сатмарскому миру.

В начале XX в. фундаментальная биография Ракоци, вышедшая из-под пера Шандора Марки (1853–1925), содержала практически все накопленные к тому времени сведения об эпохе⁸, и в ней предпринималась осторожная попытка дать реалистичную оценку мирного соглашения. Цитируя строки Шандора Петёфи (1823–1849) «На равнине при Майтене», автор утверждал, что историк преследует иные, нежели поэт, цели: если поэт говорит о «подлом предательстве», историку важна «чистая правда», которой «ведомы только договаривающиеся стороны, а не предатели»⁹. С именем Марки также связано разграничение «реальной» и «идеальной» политики при заключении мирного соглашения¹⁰. Эта дихотомия в позднейшей литературе уточнялась, развивалась и при этом порой искажалась¹¹. Книга Дюлы Секфю (1883–1955) «Ракоци в изгнании»¹², породившая в обществе бурю эмоций, не только поразительно точно очеловечила возведенного на пьедестал национального героя, но и внесла вклад в положительную оценку Сатмарского мира. По мнению историка, «мирная инициатива Палфи спасла куруцкое движение для венгерского государства от полного разложения»¹³, жизнь же в эмиграции, в отрыве от происходящего на родине, историк заклеил как бесполезную с точки зрения общественного блага¹⁴. Сама книга, как и развернувшаяся вокруг нее полемика, означала новый этап прежде всего для авторитетных научных кругов, в то время как широкой общественности не было дела до содержащихся в ней дифференцированных подходов к теме. Скорее, вызвав отторжение, она укрепила культ Ракоци как героя непреходящих идеалов¹⁵.

После распада Австро-Венгрии изучение хранившихся в Вене, но представлявших общее интеллектуальное наследие архивных коллекций получило новый мощный импульс. Имре Лукинич (1880–1950), широко использовав источники из венских архивов, написал монографическое исследование об истории Сатмарского мира¹⁶. Поскольку историку не удалось попасть в семейные архивы графов Палфи и Каройи, он так и не смог прояснить некоторые аспекты переговоров и неверно истолковал мотивацию поступков Каройи¹⁷.

Ознакомившись с фундаментальным трудом Лукинича, Д. Секфю вновь вернулся к проблеме заключения Сатмарского мира в своей речи по случаю присвоения звания академика. По его собственным словам, он искал ответ не на вопрос «Как такое произошло?», но на вопрос «Как такое могло произойти?» В этой работе, которая долгое время оставалась неопубликованной, историк убедительно рисовал картину морального разложения войска и отдавал должное обусловленным личными духовными исканиями политическим позициям и действиям трех вождей куруцкого войска и государства — Ференца II Ракоци, Миклоша Берчени и Шандора Каройи. Вместо того чтобы уделить основное внимание обозначенному в заголовке острому противостоянию Каройи и Берчени, историк сосредоточивается на изображении Каройи и Ракоци как дополняющих друг друга исторических фигур. Впоследствии издатель этого

труда Иштван Цигань писал, что «настоящим антиподом Каройи» становится не Берчени, а Ракоци, который «выведен не как реальный политик, но как образец морального поведения»¹⁸.

После 1945 г. венгерская историческая наука вновь оказалась под сильным идеологическим прессом. В марксистских идеологических построениях восстание куруцев именовалось примером «классовой борьбы» и «антифеодальным» освободительным движением; Ракоци же превратился в народного вождя, который возглавил борьбу против иноземного гнета, «возвысился над интересами собственного класса», начертал на своих знаменах цели освобождения крестьянства, благодаря чему — как важнейший носитель «прогрессивных традиций» — продолжал пользоваться бесспорной популярностью. (В этом построении особое место обретала «иноземная» династия, борьба против «западных угнетателей», в то время как вопрос о русско-венгерском союзе тоже получил своеобразную трактовку: пока советское влияние было господствующим, нельзя было привести более положительного исторического примера, чем сношения Ракоци с Петром Великим.) После того как идеологические пути относительно быстро были ослаблены, марксистская историография тоже внесла свой вклад в изучение эпохи в виде пространных трудов. При этом, несмотря ни на что, она последовательно транслировала личные взгляды Ракоци, исходя из сформулированных им целей и принципов, равно как и шансов на их осуществление и причин поражения.

Серьезный прорыв в изучении темы совершил Бела Кёпеци — автор выдержавшей три издания современной биографии Ракоци (написанной совместно с Агнеш Варкони) и работ, посвященных французским аспектам освободительной борьбы и политической деятельности князя-изгнанника. Историк подверг ревизии картину, некогда нарисованную Д. Секфю¹⁹, однако в интерпретации взглядов собственно Ракоци предпринял лишь осторожные шаги в сторону большей объективности. При оценке Сатмарского мира и политики Ракоци и Каройи он существенно уточнил сложившиеся взгляды: политика Ракоци была «ирреальной», но не в отношении интересов, целей и принципиальных возможностей, а как раз в оценке их осуществимости. Для характеристики политических принципов князя ученый предпочитал употреблять определения «моралист»/«моральный», а не «идеалист»/«идеалистический»²⁰.

Агнеш Р. Варкони как в совместной с Б. Кёпеци монографии о Ракоци, так и в своих собственных работах подчеркивает желание князя принять участие в мирных переговорах, венчавших Войну за испанское наследство (1701–1714 гг.) — подписании так называемого *pax universalis*, или «всеобщего мира». Придавая этому обстоятельству чрезвычайно важное значение, историк негативно оценивает Сатмарский мирный договор, заключенный без международных гарантий, тем более что к 1711 г. потенциал освободительной борьбы еще не был исчерпан²¹. Имре Банкути вступил в полемику с критиками мирного договора и, хотя сам не был специалистом по истории дипломатии, сумел, рассуждая здраво и объективно, опираясь (нередко) на достижения своих оппонентов, прийти к выводу, что Сатмарский мирный договор не стал поворотом к худшему в национальной истории. При оценке связей с Францией и Россией историк защищал свою позицию не с помощью эмоциональных доводов, не вольным пересказом

требований Ракоци и куруцев, но точными оценками современной европейской дипломатической и военной ситуации, наглядной демонстрацией интересов и возможностей той эпохи²². В то же время, обработав колоссальный массив архивных источников, он ввел в научный оборот содержание документов из семейного архива Каройи и тем самым в значительной мере способствовал прояснению роли Шандора Каройи и исключению темы его предательства²³.

Агнеш Ковач — автор современной биографии Каройи — тоже решительно отвергает выдвинутые против него обвинения. По ее мнению, предводитель куруцев «прежде всего, “предал” ту программу, которую в 1711 г. можно было назвать лишь утопией». Что касается Сатмарского мира, то историк полагает, что «он спас нацию от последствий, сопровождающих военное поражение, и тем самым дал больше, чем можно было бы добиться в 1711 г.»²⁴.

Иштван Цигань, проанализировав состояние куруцкого войска и соотношение сил между противоборствующими сторонами, пришел к сходным выводам. Он считает, что «с военной точки зрения Палфи и Каройи подписали договор, крайне выгодный куруцкой стороне [...] главнокомандующий императорскими силами заключил мир с уже покоренной страной»²⁵.

Противоречия между реалистической оценкой исторической роли Каройи и господствующим в нашей историографии прославлением морального решения Ракоци на самом деле нет. Густав Хеккенаст (1922–1999) в соответствующей главе обобщающего труда по венгерской военной истории удачно высказался в том духе, что возможность политического компромисса заложил сам Ракоци в момент начала и провозглашения целей освободительной борьбы. «Народная традиция и венгерское национальное историческое сознание инстинктивно почувствовали мощные силы, действовавшие за кулисами очевидных событий, когда возвели на пьедестал героя не реального политика, но создавшего предпосылки для этой реальной политики Ференца Ракоци»²⁶. Агнеш Ковач в связи с «исторической реабилитацией» Каройи пришла к сходному выводу; по ее мнению, венгерской историографии необходимо наконец согласовать политику Ракоци и Каройи, потому что «Ракоци руководил освободительной борьбой и вместе со сторонниками мирного решения Каройи и Палфи вынудил Габсбургскую династию изменить свою вызывавшую столько нареканий политику». Нам остается лишь согласиться с утверждением, что «завершение борьбы мирным соглашением требовало личности с иными ценностными ориентирами, нежели руководство восстанием, и признание достоинств Каройи не умаляет исторического значения Ракоци»²⁷.

История подписания Сатмарского мирного договора (краткий очерк)

После катастрофического поражения в битве под Тренченом 3 августа 1708 г. дело освободительной борьбы под предводительством Ракоци было обречено. Куруцкому войску приходилось постоянно отступать: их контрнаступления летом 1709 г. в липтовском походе, в начале 1710 г. в битве при местечке Ромхань,

затем во второй половине года в Задунавье одно за другим терпели поражения²⁸. Тяготы и лишения затянувшейся гражданской войны, эпидемия чумы, бушевавшая в последние годы, совершенно истощили общественные и экономические силы Венгрии, поэтому желание мира в лагере Ракоци и в рядах верных королю сословий лишь усиливалось. Князь перед лицом всё более очевидного военного поражения мог рассчитывать единственно на помощь из-за границы. Его главной целью было принять участие в мирных переговорах, завершавших Войну за испанское наследство, на стороне французов. После того как на другом европейском театре военных действий, в Северной войне (1700–1721 гг.), последовал поворот (шведский король Карл XII проиграл сражение под Полтавой²⁹), князь питал всё более полнокровные надежды на военную помощь от русского царя Петра I, с которым с 1707 г. формально состоял в союзнических отношениях³⁰.

Условием реализации обоих дипломатических проектов было бы продолжение вооруженной борьбы в Венгрии. Но куруцкое войско исчерпало резервы собственных возможностей и избегало военного поражения только потому, что для Вены всё важнее становилось установление в Венгрии долгосрочного мира. На рубеже 1710–1711 гг. Война за испанское наследство, продолжавшаяся с 1701 г., близилась к своему завершению, и становилось всё очевиднее, что центр тяжести Габсбургской монархии смещается с запада на восток, в долину Дуная. Иными словами, поскольку испанского наследства добиться не удалось, а силовые отношения внутри Священной Римской империи не позволяли сосредоточить в руках императора всю полноту реальной власти, государство Гасбургов превратилось, по сути, в центральноевропейскую державу. Как следствие, роль Венгрии существенно возросла и окончание вооруженного противостояния стало еще более неотложной задачей. Угрожающее поведение Оттоманской Порты, вновь набравшей силы после Карловицкого мира 1699 г., лишь усиливало это желание. По этой причине не только вновь назначенный военачальник граф Янош Палфи³¹, но и прозорливые государственные мужи империи, в том числе чешский канцлер Иоганн Венцель Вратислав (1670–1712), председатель Придворного военного совета Евгений Савойский, даже сам император-король Иосиф I хотели избежать кровавой карательной акции и стремились к заключению компромисса. Впрочем, понятие компромисса включало в себя лишь личную и имущественную амнистию, о независимости подвластной Ракоци Трансильвании и требовании подкрепить мирный договор международными гарантиями не было даже речи³². Сам Палфи наудачу обратился не к Ракоци, а к самому талантливому и на тот момент единственному действующему полководцу барону Шандору Каройи и предложил ему возможность личной сдачи в плен³³.

Палфи наверняка не ожидал, что Каройи перейдет на сторону императора. Он думал: тот покажет письмо Ференцу II Ракоци. Однако Каройи взял на себя роль посредника, что не было таким уж трудным делом: сам князь — по одним только тактическим соображениям — приказал ему прозондировать почву на предмет возможных переговоров³⁴. Наконец, дошел черед до личных встреч: сначала Палфи с Каройи, затем, после возвращения из короткой поездки в Польшу³⁵, — Ракоци с Палфи.

31 января 1711 г. на встрече в городе Вайя выяснилось, что Ракоци склоняется к заключению мира, ибо сам понимает — его войска не способны противостоять многократно превосходящим силам Габсбургов. Князь пообещал покаяться перед императором и даже после некоторых колебаний написал Иосифу I чрезмерно эмоциональное, доказывающее справедливость освободительной борьбы письмо. Однако на заседании венгерских и трансильванских советников в Шаланке было принято решение придерживаться условий мира, сформулированных в 1706 г., предполагавших независимость Трансильвании и международные гарантии. 21 февраля Ракоци отправился в Польшу для личной встречи с царем Петром и возложил командование на Ш. Каройи.

Каройи неожиданно для себя оказался в довольно сложной ситуации: нужно было затягивать переговоры, чтобы выиграть время, и в обмен на продление перемирия соглашаться на новые и новые территориальные уступки. Впрочем, положение Палфи было не менее тяжелым: располагая численно превосходящим противника войском, он был вынужден скромные военные успехи (взятие маленьких, располагавших устаревшими оборонительными средствами крепостей и довольно медленное изменение линии фронта) выдавать перед Веной за подлинные победы.

В середине марта Каройи — не из предательства, а лишь по тактическим соображениям и в знак искреннего намерения заключить мирный договор — тайно присягнул на верность императору, дав одновременно понять Палфи, что цель его — не личная сдача в плен, но мирное окончание войны. После того как ему не удалось убедить ни вернувшегося из Польши Ракоци, ни его ближний круг в необходимости заключения мира и неизбежности военного поражения, Каройи открыто с ними порвал, но при продолжении переговоров продолжал представлять личные интересы Ракоци. В начале апреля на сатмарском съезде оставшихся в Венгрии членов куруцкой сословной конфедерации было принято решение о необходимости заключения мирного соглашения, но убедить князя вернуться на родину делегатам не удалось.

Ракоци в своем Кукизовском манифесте от 18 апреля предпринял отчаянную попытку продолжить борьбу³⁶ и созвал в Хусте собрание сословий — членов конфедерации. Каройи же, ссылаясь на проблемы со снабжением, остался в Сатмаре, где 29 апреля было наконец заключено мирное соглашение. Между тем события приняли неожиданный оборот: 17 апреля умер император-король Иосиф I. Австрийцы несколько недель держали его смерть в тайне, дабы это обстоятельство не повлияло на ход мирных переговоров. Такая осторожность отнюдь не была чрезмерной: узнав о кончине государя, Ракоци сослался на государственно-правовую коллизию, что до выборов нового короля продолжение борьбы становится бессмысленным, но и мирное соглашение заключать не с кем. Однако после того, как в 1687 г. у венгерских сословий отняли право свободного выбора короля, у Государственного собрания не было иного пути, кроме как короновать последнего представителя Габсбургского дома по мужской линии, эрцгерцога Карла (1745–1761). Так или иначе, Ракоци, в особенности с конца 1711 г., считал принесение коронационной клятвы и издание коронационной грамоты достаточными гарантиями прав венгерских сословий и проявлял особую неговорчивость лишь в вопросе о Трансильвании. Между-

царствие, однако, только на первый взгляд могло (бы) дать преимущество куруцам. На самом деле, затягивая переговоры, князь столкнулся с противоречивой ситуацией: после смерти Иосифа I положение Палфи при дворе пошатнулось, несколько дней казалось даже, что верх берут сторонники прекращения войны силой оружия. Когда вдова Леопольда I императрица Элеонора Магдалена (1655–1720) стала регентшей, фаворитка покойного императора Анна Мария Палфи немедленно впала в немилость³⁷. Одновременно (21 апреля) правительница сняла Яноша Палфи с должности главнокомандующего. Лишь заступничество Евгения Савойского и Вратислава позволило спасти положение, и в конце концов Палфи остался на своем посту для завершения великой миссии — заключения договора о мире. Это тревожное интермеццо со всей очевидностью доказывает, что проволочки в таком не терпящем промедления деле не только не были в интересах Ракоци, но напротив, усиливали позиции сторонников кровавого продолжения войны.

Тем временем, не имея ни малейшего представления о смерти императора-короля, остатки куруцкого войска (12 тыс. человек) 30 апреля сложили знамена на поле близ Майтены и организованно отправились по домам. Лишь единицы приняли решение влиться в императорское войско. 1 мая в Надькаройе представители куруцев подписали текст мирного соглашения³⁸, обещавшего великодушную амнистию всем участникам восстания и сохранение личной и имущественной неприкосновенности для князя. По всей вероятности, под воздействием Кукизовского манифеста Каройи в последний момент включил в число пунктов мирного договора требование возведения в дворянское достоинство офицеров-куруцев, происходивших из зависимых крестьян³⁹. (Среди подписавших текст договора фигурировали четыре полковника недворянского происхождения, и впоследствии всем четверым при Карле VI были пожалованы дворянские гербы.)

С таким договором Ракоци по понятным причинам согласиться не мог. Он был уверен, что по крайней мере защитники Мункача продержатся до того, как ему удастся договориться с Петром I о вооруженной поддержке. Наконец, 18 мая царь дал знать, что по причине войны с османами не может позволить себе вмешаться в новый вооруженный конфликт, чем отнял у князя последнюю надежду. В конце июня крепость Мункач пала, так завершилось умиротворение Венгрии.

Ракоци отправился сначала в северную Польшу, затем, в 1712 г., во Францию, но добиться предметного рассмотрения своего дела на мирных переговорах в Утрехте и Раштатте так и не удалось. В 1717 г. по приглашению султана Ахмеда III князь отправился в Турцию и окончил свою бурную жизнь в Родосто.

ОЦЕНКА САТМАРСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА, ВЕРОЯТНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПОМОЩИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ГАРАНТИЙ

Из краткого историографического обзора, предпосланного статье, можно было сделать вывод, что венгерские историки трактовали 1711 г. и как начало «габсбургской колонизации», и как наступление периода расцвета страны. Каройи

был заклеямен как предатель, князь же закрепился в венгерском сознании как идеальный борец за свободу. Авторы, склонные к нюансированным высказываниям, вели речь об этих двух государственных мужах как о представителях реальной и идеальной (моральной) политики. По нашему убеждению, Сатмарский мирный договор, несмотря на то что Ракоци его не признал, позволил под угрозой сокрушительного военного поражения добиться всего того, за что большинство куруцев сражались с оружием в руках. После века вооруженного противостояния правящий дом и сословия заключили наконец мирное соглашение, были сняты противоречия, раздиравшие венгерскую политическую элиту изнутри. Благодаря системе сословных институтов Венгрия сохранила в рамках Габсбургской монархии свою независимость и контуры своей государственности⁴⁰.

Надежды Ракоци как на русскую помощь, так и на участие в общеевропейских мирных переговорах оказались беспочвенными. Весной и летом 1711 г. военные и политические события в Венгрии и за ее пределами (смерть Иосифа I, последовавшее затем отстранение Палфи, начало Русско-турецкой войны, готовность Карла VI идти на компромиссы) свидетельствовали о том, что у Каройи не было поля для маневра. Он уже потому не ждал окончания переговоров с русскими, что реально оценивал имеющиеся возможности. Каройи был довольно простым, немного заносчивым, хотя и способным и восприимчивым провинциальным помещиком, который за годы освободительной борьбы накопил необходимый военный и политический опыт. Куруцкий военачальник умел трезво, взвешенно и прозорливо судить о событиях большой политики. Согласно одной записи, не предназначавшейся для чужих глаз, он уже в начале 1711 г., примерно в то время, когда встречался с Петром I в Вайе, реалистически оценивал вероятность осуществления «русских надежд». По словам Каройи, он соглашался с Ракоци в том, что «Москва могла бы стать главной надеждой, но, — тут же возражал, — выступив против турка, она оставит в покое шведа, поелику двоих, если раньше против одного не имела достаточно силы, теперь тем более не одолеет». Численное превосходство императорских вооруженных сил было столь велико, что им не составило бы труда сокрушить любого потенциального союзника: русских, шведов или османов. Именно поэтому Каройи считал заключение мира неизбежным и единственным целесообразным средством⁴¹.

Время подтвердило правоту Каройи: князю пришлось разочароваться не только в военной помощи, но и в посредничестве русской дипломатии. Он надеялся, что при вмешательстве Петра I мирному договору будут даны международные гарантии, однако в планы царя не входил не только вооруженный конфликт, но даже обострение отношений с Веной. Габсбурги оказывались естественными союзниками против турок, спору же двух дворов о титуле (из-за величания царя как равного императору возникли протокольные разногласия) не следует придавать чрезмерного значения, ведь он не мог стать причиной разрыва между двумя сторонами. Венский двор еще в 1709 г. отверг предложения царя о посредничестве. Имперская дипломатия, в свою очередь, проявила завидную находчивость, спросив: правильно ли, если кто-то возьмется посредничать между Петром и Мазепой, русским самодержцем и казаками?⁴² Таким образом, у царя

Петра не было ни возможности, ни желания предоставлять союзнику военную или действенную дипломатическую помощь.

В связи с международными гарантиями нужно учитывать два принципиально важных обстоятельства: с одной стороны, мир, завершавший Войну за испанское наследство, был подписан «слишком поздно» (1713–1714 гг.), с другой — произошло это не на общей конференции, но в форме нескольких мирных соглашений. От куруцкого войска, которое два с половиной года отступало от западных рубежей королевства до его восточных границ и, как видим, не было способно не только наступать, но даже обороняться, не приходилось ждать продолжения борьбы. Опираясь лишь на несколько крепостей, нельзя было противостоять превосходящим силам противника; в этом на собственном опыте убедились защитники Мункача. Даже если бы чудесным образом сохранились островки куруцкого сопротивления или — как писал Ракоци в Кукизовском манифесте — повстанцы укрылись бы в горах, лесах, на болотах и продолжили бы свою борьбу партизанскими методами, даже тогда чаяниям Ракоци не суждено было бы сбыться, потому что «всеобщего мира» всё равно бы не наступило, т. е. не удалось бы собрать такой стол переговоров, где нашлось бы место «недовольным» из Венгрии или послам князя из Трансильвании⁴³.

Насколько возможно (или невозможно) было достичь целей повстанцев на двухсторонних мирных переговорах, вскоре стало очевидно для избравшего изгнание Ракоци. Протестантские державы (Англия, Голландия) не захотели поднять венгерский вопрос на мирных переговорах в Утрехте; даже французы считали это несвоевременным. Молодой дипломат Михай Янош Клемент (1689–1720) сочинил памфлет, в котором приводил исторические доводы в пользу права Трансильвании на независимость, и тем самым пробудил сочувствие в широких европейских кругах, заклеил венский двор, но, как остроумно заметил прусский придворный проповедник Даниэль Эрнест Яблонский (1660–1741), для доказательства справедливости высказанных в памфлете требований и их осуществления «есть всё, кроме армии»⁴⁴. В Раштатте посол Людовика XIV маршал Виллар поднял было трансильванский вопрос, но представитель императора Евгений Савойский напомнил о неурегулированном автономном статусе Каталонии, и после этого вопрос о Ракоци по взаимному согласию обеих сторон «пал жертвой»⁴⁵. (Здесь, впрочем, нужно смотреть на вещи реалистически и трезво оценивать шансы на удовлетворение тех или иных интересов: французы вряд ли могли сделать что-то большее, чем эта робкая попытка вмешательства. Иными словами, было бы ошибкой обвинять тогдашнего союзника Короля-Солнце, в «предательстве», «оставлении в опасности». Один из наиболее выдающихся куруцких дипломатов Ласло Кёкенешди (1685–1756) уже в начале 1709 г. предупреждал Ракоци: дела у французов идут настолько плохо, что Людовик XIV ради мира будет вынужден пожертвовать своим собственным внуком, испанским королем, так что венграм не приходится рассчитывать на существенную поддержку⁴⁶.)

В заключение, подводя итог истории русско-венгерских связей в рассматриваемую эпоху, следует в качестве важной вехи упомянуть союзный договор между князем Ференцем II Ракоци и Петром Великим, даже если ни одна из сторон

не была в состоянии оправдать ожидания другой. Русская поддержка, оказанная куруцкой эмиграции, зачисление венгерских гусар на русскую службу, первые шаги к распространению в России венгерской культуры виноградарства и виноделия, дипломатические усилия Ракоци в конце освободительной войны, затем в эмиграции, направленные на улучшение русско-турецких и русско-французских отношений, могут быть названы в числе положительных примеров, сохранившихся в коллективной памяти обоих народов и продолжающих служить основой для развития двусторонних отношений сегодня.

Перевод с венгерского О.В. Хавановой

- ¹ См. двуязычное критическое издание: II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyarországi háborúról, 1703-tól annak végéig (Mémoires du prince François II Rákóczi sur la guerre de Hongrie depuis 1703 jusqu'à sa fin) / Ford. I. Vas; a tanulmányt és a jegyzeteket írta V. Kőpeczi; a szöveget gondozta I. Kovács. Bp., 1978. (AR. III. osztály: Írók. II. Rákóczi Ferenc művei. 1. köt.).
- ² Gróf Károlyi Sándor önéletírása és naplójegyzetei (далее — Károlyi önéletírása) / Kiadta L. Szalay; [előszó K. Thaly]. Pest, 1865. I–II. (Magyar Történelmi Emlékek. IV–V. köt.).
- ³ Й. Пуйяи был секретарем императорского главнокомандующего Я. Палфи и лично принимал участие в событиях (он привел куруцкие войска к присяге императору); свое сочинение, распространявшееся в XVIII в. в бесчисленных рукописных копиях, он написал на основании документов, полученных от Ш. Каройи. См.: *Pulyai [!] J. Szathmári békesség // Károlyi önéletírása. II. köt. 183–506. old.* См. также более новое, современное издание, где имя автора написано правильно: *Pulyai J. Szatmári békesség / Sajtó alá rendezte, a bevezetőt írta, a jegyzeteket és mutatókat K. Mészáros közreműködésével összeállította I. Bánkúti. Bp., 2007. (Rákóczi Források).*
- ⁴ *Magyar Z. Rákóczi a néphagyományban. Rákóczi és a kuruc kor mondavilága. Bp., 2000.*
- ⁵ Вот несколько примеров из поэзии Шандора Петёфи: в стихотворении «На равнине при Майтене» («*Majtényi sík*», 1847 г.) поэт упоминает «гнусное предательство» (*undok árulás*); в стихотворении «Ракоци» («*Rákóczi*», 1848 г.) обращается к князю как к «святому отчизны». Янош Арань в 1848 г. посвятил Ракоци два важных стихотворения: в одном — «Кладбище в Родосто» («*Rodostói temetőn*», 1848 г.) — он оплакивает могилы изгнанников; во втором — балладе «Жена Ракоци» («*Rákócziné*», 1848 г.) — сознательно называет немецкую супругу Ракоци, ведущую беспечный образ жизни, «венгеркой» (*magyar nő*). В стихотворении, начинающемся словами «Есть ли такой...» («*Van-e olyan...*», 1849 г.) прямо противопоставляет мятежных куруцев («добрых сынов отечества» — *jó hazafi*) и верных Габсбургам лабанцев («предателей-подонков» — *honáruló kurafi*). В венгерской исторической живописи эта эпоха получила свое достойное место прежде всего в работах Виктора Мадараса (1830–1917), который изображал мир куруцев и лабанцев как братоубийственную войну (картина «Куруц и лабанц», 1855 г.) и выбирал для своих полотен такие темы, как испытания, выпавшие на долю маленького Ракоци в момент сдачи крепости Мункач («Илона Зрини на допросе в замке Мункач», 1859 г.), прощание деда и дяди Ракоци перед казнью («Зрини и Франгепан», 1864 г.). Берталан Секей запечатлел спасение бегством из крепости Арва отчима Ракоци, Имре Тёкёли («Прощание Имре Тёкёли», 1873 г.), Дюла Бенцур (1844–1920) увековечил арест молодого Ракоци в Надьшароше 18 апреля 1701 г. («Пленение Ференца II Ракоци», 1869 г.). В период освободительной борьбы 1848–1849 гг. художни-

ков Виктора Мадараса, Шому Орлаи Петрича (1822–1880), Мора Тана (1828–1899) вдохновляли главным образом кровавые страницы Государственного собрания 1707 г. в Оноде, когда выступавшие за прекращение вооруженной борьбы депутаты от комитата Туроц (ныне Туриец в Словакии) были жестоко убиты. Наконец, в связи с Сатмарским миром следует упомянуть знаменитое полотно Мора Тана («Ференц II Ракоци отвергает Сатмарский мир», 1847 г.).

- ⁶ Анализ этого процесса см.: *Kincses K.M. Kultusz és hagyomány. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharc 300. évfordulóján.* Bp., 2003.
- ⁷ *Dokumentumok II. Rákóczi Ferenc és társai újratemetéséhez (1873–1906) / Válogatta, szerkesztette, jegyzetekkel ellátta és az előszót írta H. Halász, Cs. Katona, Z. Ólmosi.* Bp., 2004.
- ⁸ *Márki S. II. Rákóczi Ferenc.* Bp., 1907–1910. I–III. köt. (*Magyar Történeti Életrajzok* . 51., 53–54. köt.).
- ⁹ *Ibid.* III. köt. 236. old.
- ¹⁰ *Ibid.* 237–245. old. (Кн. XIV. Гл. 4).
- ¹¹ Иван Золтан Денеш пишет о «ложном реализме», Бела Кёпечи предпочитает определять политику Ракоци словом «моральная».
- ¹² *Szekfű Gy. A száműzött Rákóczi.* Bp., 1913, 1993².
- ¹³ *Ibid.* 78–79. old. (второе издание — 75. old.).
- ¹⁴ *Ibid.* 336. old. (второе издание — 292. old.). С этим в корне не согласен Ференц Тот, см.: *Tóth F. Bujdosó vagy száműzött? A Rákóczi-emigráció a történelem tükrében // Magyar Tudomány.* 2006. 3. sz. По его мнению, литературное и философское наследие Ракоци и Микеша, военные достижения куруцев в эмиграции (распространение в Европе гусарских полков), даже отдельные скромные успехи на первый взгляд бессмысленных дипломатических усилий, как и сама жизнь в эмиграции, принесли полезные для общества плоды. Кроме того, с точки зрения эффективности представительства интересов венгерских сословий трудно отрицать политическое значение эмиграции.
- ¹⁵ О дискуссии вокруг книги Д. Секфю см. монографию И.З. Денеша: *Dénes I.Z. A “realitás” illúziója. A historikus Szekfű Gyula pályafordulója.* Bp., 1976; далее см. также: *A Rákóczi-szabadságharc / Szerk. Á. R. Várkonyi, D.D. Kis.* Bp., 2004. 426–442. old. (*Nemzet és emlékezet*).
- ¹⁶ *A szatmári béke története és okirattára / Közzétette, történeti bevezető tanulmánnyal és jegyzetekkel ellátta I. Lukinich.* Bp., 1925 (*Fontes historiae Hungaricae aevi recentioris. Magyarország újabkori történetének forrásai. Hivatalos iratok és levelek*).
- ¹⁷ *Ibid.* VI. old. (Предисловие).
- ¹⁸ *Czigány I. Egy kiadatlan akadémiai székfoglaló. Szekfű Gyula: Károlyi és Bercsényi a szatmári béke előtt // Htk.* 1990. 103. évf. 3. sz. 140. old.
- ¹⁹ *Köpeczi B., R. Várkonyi Á. II. Rákóczi Ferenc.* Bp., 1955; 1976²; 2004³; *Köpeczi B. A Rákóczi-szabadságharc és Franciaország.* Bp., 1966; см. также переработанный и дополненный перевод на французский: *Köpeczi B. La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle. Etude d’histoire des relations diplomatiques et d’histoire des idées.* Bp., 1971.; *Köpeczi B. A bujdosó Rákóczi.* Bp., 1991.
- ²⁰ *Köpeczi B. Rákóczi és Károlyi // “...kedves hazám boldogulása munkáját kezébe adom...” Történészek a szatmári békéről. Árulás vagy reálpolitikai lépés? A Szatmárnémetiben 2001. április 27-én megrendezett történéskonferencián elhangzott előadások szerkesztett változatai.* Nyíregyháza, 2003. 11. old.
- ²¹ *R. Várkonyi Á. Rákóczi szabadságharca történelmi fejlődésünkben és a szatmári béke // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. Tudományos emlékülés, 1976. január 29–30.* (далее — *A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései*) / Szerk. Molnár M. Vaja; Nyíregyháza, 1976. 25–43. old.; *Eadem. “Ad pacem universalem” (A szatmári béke nemzetközi előzményeiről) // Századok.* 1980. 114. évf. 165–200. old.; *Eadem. A nemzetközi garancia és a generális. A szatmári béke történetéhez // Történészek a békéről.* 13–26. old.

- ²² *Bánkúti I.* A szatmári béke. Bp., 1981 (Sorsdöntő történelmi napok. 6. sz.); *Idem.* Rákóczi és I. Péter cár: remények és/vagy illúziók // A Rákóczi-szabadságharc és Közép-Európa. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharc kezdetének 300. évfordulójára / Szerk. E. Tamás. II. köt. Sárospatak, 2003. 165–171. old. (A Sárospataki Rákóczi Múzeum Füzetei. 46. köt.).
- ²³ *Bánkúti I.* Dokumentumok a szatmári béke történetéhez (далее — Dokumentumok). Bp., 1991; *Idem:* Károlyi Sándor feljegyzése a béketárgyalások és békekötés elveiről (1711. január) // Történelmi Szemle. 1996. 38. évf. 2–3. sz. 315–319. old.; *Idem:* Károlyi Sándor két írása a Rákóczi-szabadságharcból (1706, 1711) // A nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. XXXIX–XL. 1997–1998 / Főszerk. P. Németh. Nyíregyháza, 1998. 203–211. old.; *Idem.* Károlyi Sándor telepítő pátense a katonáskodók számára, 1711. április 12. // HtK. 2000. 113. évf. 2. sz. 477–482. old. Свою оценку роли Каройи историк еще в самом начале работы объективно изложил в статье: *Idem.* Károlyi Sándor // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. 66–70. old.
- ²⁴ *Kovács Á.* Károlyi Sándor. Bp., 1988. 123. old. (Magyar História. Életrajzok).
- ²⁵ *Czigány I.* A kuruc állam katonai helyzete és a szatmári béke // HtK. 1990. 103. évf. 3. sz. 53. old.
- ²⁶ *Heckenast G.* A Rákóczi-szabadságharc // Magyarország hadtörténete két kötetben / Főszerk. E. Liptai. [Bp.,] 19852. I. köt. 399. old.
- ²⁷ *Kovács Á.* Rákóczi és Károlyi // Pro patria. Tanulmányok. Nyíregyháza, 2004. 51. old. (A Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltár Kiadványai. III. Tanulmányok. 12. sz.) 51. old.
- ²⁸ Работы Арпада Марко (1885–1966) о военных поражениях, предопределивших крах освободительной борьбы, по сей день не потеряли своей актуальности. См.: *Markó Á.* A trencsényi csata. (1708. augusztus 3.) // HtK. 1931. 32. évf. 1. sz. 31–70., 151–194. old.; *Idem.* A lipóti kuruc hadjárat 1709 augusztusában. Székfoglaló értekezés. Bp., 1935. (Értekezések a történelmi tudományok köréből. 25. sz.); *Idem.* A romhányi csata. 1710. január 22. // HtK. 1930. 31. évf. 1. sz. 18–52. old. Описание двух сражений в современном переиздании см.: *Idem.* II. Rákóczi Ferenc csatái. (Válogatott tanulmányok) / [Szerk.] K. Mészáros. Bp., 2003. 162–256., 257–295. old. (Из упомянутых поражений только Задунайский поход 1710 г. еще не получил освещения в современной историографии.)
- ²⁹ О Полтавской битве мы располагаем дневником венгерского свидетеля. Лютеранский епископ Даниэль Крманн (1663–1740) в качестве посла венгерских протестантских сословий находился в лагере Карла XII («лютеранского папы»). Описание путешествия Крманна — исключительно важный источник, повествующий о культурно-антропологическом контексте современных автору польских, белорусских и русских отношений. Дневник издан на латыни, а также в словацком переводе. См.: *Krman D.* Itinerarium. (Čestovny dennik z rokov 1708–1709) / Studiu o diele napisal J. Minárik; Životopis a poznámky napisal a text preložil G. Viktory. Bratislava, 1969. В венгерском переводе см.: *Krman D.* Küldetésem története. Itinerárium (1708–1709). Bp., 1984.
- ³⁰ Основательное и реалистическое исследование по теме см.: *Artamonov V.A.* Magyarország és az orosz-lengyel szövetség 1707–1712 // Európa és a Rákóczi-szabadságharc. A II. Rákóczi Ferenc születésének 300. évfordulója alkalmából Sárospatakon, 1976. május 24–28-án rendezett nemzetközi tudományos konferencia előadásai / Szerk. K. Benda. Bp., 1980. 45–51. old.
- ³¹ Отпрыск одного из знатнейших аристократических родов Венгрии граф Янош Палфи в 18 лет (1681 г.) связал свою судьбу с армией, постепенно дослужился от простого добровольца до полковника (1709 г.), и хотя в его карьере немаловажную роль сыграли любовные узы, связывавшие дочь Марию Анну с императором Иосифом I, он достиг положения, при котором мог действительно сочетать интересы правящего дома и сословной нации, исключительно благодаря личным талантам и собственным заслугам. См.: *Lukinich I.* A szatmári béke története és okirattára. 15–16. old.; *Bánkúti I.*

- Pálffy János // Nagy képes millenniumi arcképcsarnok. 100 portré a magyar történelemből / Szerk. Á. Rácz. Bp., 1999. 134–136. old.
- ³² Уже в период с 1704 по 1708 г. мирные переговоры на условиях куруцев систематически проваливались.
- ³³ Янош Палфи 14 и 17 ноября 1710 г. направил Каройи два идентичных по содержанию письма, на которые тот ответил только 9 декабря 1710 г., после согласования с Ракоци и в соответствии с инструкциями князя. См.: *Pulyai J. Szatmári békesség. 52–56. old.; Bánkúti I. Dokumentumok. 13., 15. old.*
- ³⁴ Князь в письме от 23 ноября 1710 г. предлагал Каройи, чтобы в ходе переговоров с Палфи тот прозондировал почву по поводу обмена военнопленными.
- ³⁵ Уже во время этой поездки Ракоци понял, что из-за войны с османами на русскую помощь рассчитывать не приходится, и все-таки ухватился за эту надежду как за последнюю соломинку.
- ³⁶ Приведено у: *Pulyai J. Szatmári békesség. 165–183. old.*
- ³⁷ С несчастной женщиной обошлись жестоко, заставили выйти замуж за 65-летнего аристократа и покинуть Вену. Лишь чешский канцлер Вратислав и, под его влиянием, новый император Карл VI из одного только уважения к памяти покойного брата проявляли милость к опальной фаворитке. См.: *Lukinich I. A szatmári béke története és okirattára. 120–124. old.*
- ³⁸ Этот документ сохранился в двух оригинальных экземплярах, скрепленных подписями и печатями. Оба хранятся в Государственном архиве в Вене. См.: *ÖStA. HHStA. Allgemeine Urkundenreihe. 29.IV–I.V.1711; Ibid. Ungarische Akten. Miscellanea. Fasc. 424. Konv. B. Fol. 48–57.* Факсимильное издание первого документа см.: 1711: *Kiegyezés és újakezdés / [Mészáros K. bevezető tanulmányával]. Nyíregyháza, 2011. (A Jósza András Múzeum Kiadványai. 69. sz.).*
- ³⁹ *Heckenast G. A jobbágykatonaságra vonatkozó végzés a szatmári békeokmányban // A Rákóczi-szabadságharc vitás kérdései. 58–65. old.*
- ⁴⁰ Об этом говорит уже само заглавие сборника статей, подготовленного к 300-летней годовщине начала Освободительной войны, — «Сохранение государственности». См.: *Az államiság megőrzése. Tanulmányok a Rákóczi-szabadságharcról (далее — Az államiság megőrzése) / Szerk. és az előszót írta I. Czigány. Bp., 2002.*
- ⁴¹ *Bánkúti I. Károlyi Sándor feljegyzése a béketárgyalások és békekötés elveiről. 317. old.* Агнеш Ковач, используя новые данные, уточняет обстоятельства появления этого документа. См.: *Kovács Á. Rákóczi és Károlyi.*
- ⁴² См.: *Gebei S. I. Péter cár és II. Rákóczi Ferenc fejedelem 1707. évi varsói egyezményének utóélete // II. Rákóczi Ferenc, az államférfi. Tanulmányok a sárospataki országgyűlés 300. évfordulójára / Szerk. E. Tamás. Sárospatak, 2008. 116–117. old. (A Sárospataki Rákóczi Múzeum Füzetei. 53. sz.).*
- ⁴³ *Köpeczi B. Abujdosó Rákóczi. 112–113. old.* (Кстати, автор установил, что мира по общему согласию так и не получилось, князь продолжал винить Каройи за заключенное с Палфи соглашение: «...не оставил времени для дальнейших переговоров».)
- ⁴⁴ *Ibid. 107. old.*
- ⁴⁵ *Kalmár J. La question de la Transylvanie au cours des traités de Rastatt (1713–1714) // Európai szemmel. Tanulmányok Köpeczi Béla tiszteletére / Szerk. J. Kalmár. Bp., 2007. 61–66. old.*
- ⁴⁶ Цит. по: *Köpeczi B. A Rákóczi-szabadságharc külpolitikája és a francia–bajor kapcsolat // Az államiság megőrzése. 17. old.*

ДИПЛОМАТИЯ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ф. Том

САТМАРСКИЙ МИР 1711 г. и Франция

В раннее Новое время политику Франции в отношении Восточной Европы принципиально определяла ее вековая борьба против империи Габсбургов. Французский королевский двор уже в XVI–XVII вв. оценил преимущества восточноевропейских антигабсбургских союзов, с помощью которых противника можно было принудить к войне на два фронта. В этом стремлении Францию время от времени успешно поддерживали — наряду с Османской империей, Швецией и Речью Посполитой — Трансильванское княжество и венгерское движение куруцев. Таким образом, система восточных антигабсбургских союзов, в которой со второй половины XVII в. вплоть до Освободительной войны под руководством Ференца II Ракоци венгерские мятежники (*Malcontents*) играли важную роль, являлась существенным элементом политики Людовика XIV. Между тем оказывать поддержку Ференцу II Ракоци было не так-то просто, ведь симпатизирующие ему и даже сотрудничающие с ним европейские монархи не признавали безоговорочно стремлений подданного, восставшего против своего законного государя. Так и Людовик XIV не заключил с ним формального союза, хотя во время Войны за испанское наследство тайно оказывал немалую помощь князю, атаковавшему Габсбургов с востока. После подписания мирного договора, завершившего Освободительную войну 1703–1711 гг., присутствие Ракоци, перебравшегося затем инкогнито во Францию, и вовсе стало неудобным, и князь в итоге нашел последнее убежище на территории Османской империи. Какие причины и обстоятельства привели к тому, что французская дипломатия отвернулась от движения Ракоци? Как виделся ближнему кругу французского короля процесс мирного урегулирования в Венгрии? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть преобразование восточноевропейской системы международных отношений в зеркале исторических источников, освещающих политику Версаля.

Внешняя политика Франции и Венгрия (1708–1710 гг.)

В 1707 г. после военных побед императора Священной Римской империи французская армия покинула итальянские земли. В то же время на испанском, нидерландском и германском театрах военных действий фортуна стала сопутствовать французам, и после неудач прежних лет война продолжилась при более благоприятных для них условиях. С другой стороны, было положено начало преодоле-

нию дипломатической изоляции Франции. Шведский король Карл XII, пройдя через Силезию, во главе 35-тысячной армии вступил на территорию Саксонии, чтобы воспрепятствовать ее согласованным действиям вместе с Россией. Шведская армия в битве при Фрауштадте 3 февраля 1706 г.* одержала победу над армией саксонского курфюрста Августа II, усиленной русскими полками. В то время, когда силезские протестанты приветствовали в лице шведских войск своих освободителей, возможная война между империей Габсбургов и Швецией приобретала всё более реальные черты. Изменившаяся расстановка военных сил стала предвестником возобновления шведского влияния в Центральной Европе и возможности венгерско-польско-шведского сотрудничества, хорошо зарекомендовавшего себя уже в XVII в. Международный кризис вопреки связанным с ним большим ожиданиям разрешился мирным договором, заключенным 24 сентября 1706 г.** Августом II и Карлом XII в Альтранштедте. Согласно договору, курфюрст отказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, избранного в 1704 г. польским королем¹. Между Стокгольмом и Веной сохранялась заметная напряженность по многим вопросам, в том числе связанным со свободой вероисповедания силезских протестантов и с российскими войсками, отступившими после битвы при Пунице (28 октября 1704 г.***) на территорию императора. В рамках дипломатических переговоров возникла вероятность решения этих вопросов мирным путем. Независимо от этого французская дипломатия и в дальнейшем не отказалась от возможности согласованного выступления венгров со шведами, поэтому стремилась не допустить примирения этих двух весьма важных, профранцузски настроенных стран с императорской дипломатией. Людовик XIV еще в конце 1706 г. указывал Ракоци на то, что некоторые шаги князя противоречат интересам шведского короля².

Во всяком случае, французский король предпринял новые шаги ради сближения венгерской и шведской стороны. В начале 1707 г. он дал барону Жану-Виктору Бесенвалю³ сложное дипломатическое поручение. Во-первых, тот должен был добиться участия шведского короля в качестве посредника в мирных переговорах Франции с противостоящими ей союзными державами. Другой важной составной частью миссии Бесенваля было убедить Карла XII в необходимости венгеро-шведского союза. Несмотря на явные преимущества такого альянса, интересы Швеции было нелегко согласовать с внешнеполитическими целями Франции. В то время Карла XII уже изрядно занимал план войны против России, и он всячески хотел избежать конфликта с империей Габсбургов, из-за чего венгры не могли рассчитывать на значительную помощь со стороны Швеции⁴.

Князь Ракоци после очередной неудачной попытки установить союзнические отношения с Османской империей существенно поменял вектор своей

* Здесь: дата сражения указана автором по шведскому календарю, использовавшемуся в Швеции в 1700–1712 гг., который отставал от григорианского на 10 дней. Фрауштадтская битва датируется 13 февраля 1706 г. по григорианскому, или 2 февраля 1706 г. по юлианскому календарю. (*Прим. перев.*)

** Здесь: дата указана по григорианскому календарю. Далее датировка по григорианскому календарю особо не оговаривается. (*Прим. перев.*)

*** Здесь: дата указана по шведскому календарю. (*Прим. перев.*)

внешнеполитической активности. Используя то обстоятельство, что царь Петр I, желавший через Ракоци установить добрые отношения с правительством в Версале, пошел на сближение, князь вернулся к своим былым планам в отношении Польши. В феврале 1707 г. партия польской шляхты, в рядах которой объединились противники Станислава Лещинского, собралась в украинском Львове, чтобы свергнуть власть короля. Ракоци надеялся получить в лице царя сильного восточного союзника, с помощью которого он мог бы преодолеть дипломатическую изоляцию и предстать реальным претендентом на польский престол. Российско-венгерские переговоры привели в итоге к заключению оборонительного союзного договора, подписанного Миклошем Берчени в сентябре 1707 г. в Варшаве. Французская дипломатия поначалу не препятствовала попыткам сближения венгров и русских, но план, касающийся выступления Ракоци в качестве претендента на польский трон, породил напряженность в отношениях между князем и французским послом маркизом Дезаллёмом.

В Версале осудили как подписанный Берчени договор, так и планы Ракоци относительно польской короны. С того времени Карл XII и Станислав Лещинский, прознавшие о российско-венгерских контактах, враждебно относились к князю Ракоци, который в своих «Мемуарах» сложившуюся ситуацию охарактеризовал следующим образом: «Сему вельможе [Миклошу Берчени. — Ф. Т.] по его приезде в Варшаву царь оказал весьма достойный прием, он имел с ним доверительную беседу и заключил договор, согласно которому мое избрание польским королем откладывалось на три месяца. Это время следовало использовать для того, чтобы просить посредничества французского короля и баварского курфюрста, но было оговорено, что если те не согласятся выступить посредниками, то выборы всё равно состоятся, и я приму их при условии, что они пройдут по свободному согласию и в соответствии с законами Речи Посполитой. Царь будет поддерживать меня и предоставит мне всяческую помощь для того, чтобы я мог мирно владеть Трансильванским княжеством. Остальные пункты договора были предусмотрены на случай неблагоприятного развития событий. Едва мы его подписали, как шведы в Саксонии стали проявлять активность. Общее мнение было такое, что канцлер Карл Пипер, подкупленный англичанами и голландцами, уговорил шведского короля вернуться в Польшу.

Царь предложил этому государю перемирие на 12 лет, чтобы тот не препятствовал осуществлению его целей, направленных против императора, и если бы перемирие состоялось, царь лично и со всей своей армией был готов выступить против императора и принудить его уступить венгерскую корону баварскому курфюрсту. Условием вышеизложенного было то, что французский король не должен был подписывать всеобщего мира без того, чтобы не включить в него и царя. Как только мне стало известно о действиях шведского короля, я отправил курьера к графу Берчени, чтобы ускорить его возвращение. Насколько я помню, он прибыл в октябре. Я проинформировал маркиза Дезаллёра обо всем, что произошло. Этот посол, однако, был чрезвычайно предубежден в отношении Берчени и полагал, что тот оказывает на меня большое влияние. У меня были основания полагать, что он направил ко двору совсем не благоприятное для меня донесение о заключенном договоре. А это полностью ослабило воздействие пропозиций, представленных моим послом французскому королю. При этом с тех

пор, как шведский король вторгся в Польшу и царь отвел войска назад в Россию, казалось, что моя система переговоров полностью провалилась»⁵.

После этого Ракоци отказался от планов по приобретению польской короны, но, заключив договор с Россией, он смог, по крайней мере, выйти из дипломатической изоляции. Россия в то время еще не считалась европейской державой первого ранга, но ее честолюбивый правитель также возлагал большие надежды на договор, подписанный с трансильванским князем. Петр I в первую очередь рассчитывал на то, что при помощи Людовика XIV ему удастся сгладить конфликты со шведами. Невзирая на противоречивость внешнеполитического выбора Ракоци, можно констатировать, что он основывался на правильной оценке больших перемен, произошедших в международных отношениях в восточноевропейском регионе. Шведская армия и в дальнейшем казалась непобедимой, но зарубежные наблюдатели уже стали понимать, какую силу представляет военная машина, созданная Петром Великим⁶.

Во всяком случае, 1709 г. стал поворотным с точки зрения соотношения сил на востоке. Российская армия 27 июня (8 июля) 1709 г. в Полтавской битве нанесла стратегическое поражение армии шведского короля Карла XII. В результате этого в ходе Северной войны также произошли огромные перемены. Шведская армия, считавшаяся непобедимой, развалилась⁷. Перемены поколебали основу системы восточно-европейских союзов Франции, а также планы Ференца II Ракоци. Князь и раньше искал помощи у Петра I и стремился заручиться для этого поддержкой французской дипломатии. Международная обстановка особенно благоприятствовала этому после сражения при Мальплаке 11 сентября 1709 г., которое усугубило и без того сложное положение Франции. Ракоци стремился установить контакты с европейскими державами и направил своих послов не только в Версаль, но и в Гаагу, Лондон, Москву и Бендеры, где после Полтавской битвы находился Карл XII. Главной внешнеполитической целью государства куруцев был проект такого австро-венгерского соглашения, которое стало бы частью большой европейской мирной конференции и получило бы гарантии европейских великих держав, прежде всего Франции, России, Англии и Голландии⁸. Ракоци вспоминает об этом в своих «Мемуарах»: «Как я уже упоминал, царь отдал приказ своему представителю в Вене, чтобы тот предложил свои посреднические услуги императору для примирения с Венгрией. К несчастью, двор, формально не принимая посредничества, передал послу очень жесткие условия, которые тот доставил мне в Надьмихай. Я устроил ему пышный прием, но представленные им условия совсем не годились для переговоров. Вскоре после моего отъезда ко мне прибыли польские магнаты, сторонники шведского короля, и предложили мне румын, татарские вспомогательные отряды и несколько эскадронов драгун, так как после Полтавской битвы войска шведского короля были разбиты в Польше и вышеупомянутые лица находились примерно в том же положении, что и я здесь»⁹.

Среди дипломатических целей Ракоци приоритетное место занимал проект шведско-русского мира, в котором Франции отводилась роль посредника. Посол князя при версальском дворе Л. Кёкенешди предпринял несколько попыток, чтобы заручиться согласием французской стороны. Русский царь также охотно поддержал бы венгерскую освободительную войну, если при посредничестве

французов удалось бы побудить шведскую сторону к мирным переговорам¹⁰. При этом подобные стремления к тому времени уже отнюдь не совпадали с целями французской дипломатии, и версальские власти выразили это достаточно определенно. Людовик XIV 7 ноября 1709 г. назначил маркиза Дезаллёра послом в Константинополе, а венгерские дела поручил рыцарю Фьервилю. Дезаллёр еще два месяца оставался в Венгрии и лишь в феврале 1710 г. отправился к месту своей новой дипломатической службы. Прежде чем покинуть ставку Ракоци, ему довелось стать свидетелем проигранного сражения при Ромхане (22 января 1710 г.). До прибытия Фьервиля поверенным в делах в Венгрии был назначен командир бригады Лемэр. Последний в пространным меморандуме подробно изложил французскому правительству ситуацию в Венгрии, представив глубокий анализ экономических, социальных и военных причин спада освободительной борьбы и обрисовав внешнеполитические планы князя Ракоци. Фьервиль прибыл в Венгрию в июне 1710 г., и вскоре во Францию последовали его донесения, сообщавшие, подобно меморандуму Лемэра, об удручающем положении в стране: отряды куруцев непрерывно теряли важнейшие стратегические позиции, в обществе окончательно возобладала разобщенность, свирепствовала чума, да и помощь со стороны России — последняя надежда военачальников куруцев — становилась всё более неопределенной¹¹.

Конгресс, начавшийся весной 1710 г. в Гертрэуденберге, открывал еще одну возможность для мирного завершения войны в Венгрии. Эта мирная конференция могла бы предоставить определенные международные рамки для переговоров между Австрией и куруцами. К сожалению, из-за чрезмерных требований голландцев переговоры вскоре были прерваны¹². Тем временем положение венгерской конфедерации становилось все безнадежным, что усугублялось еще и неурожаем 1710 г., голодом и эпидемией чумы. Князь Ракоци в «Мемуарах» так характеризовал ситуацию: «В то время пока я вел этот мучительный зимний поход, генерал Берчени с супругой невообразимо боялся чумы и поэтому оставался в комитате Земплен. Он опасался передвигаться с большой свитой, поэтому перемещался из замка в замок, из одной дворянской усадьбы в другую и предпринимал чрезвычайные меры, чтобы предотвратить заражение. Но, по-видимому, зараза повсюду следовала за ним, и заболели те, кто был наиболее близок к нему, а в моем лагере никто не подвергся напасти»¹³.

Тем временем Ракоци отозвал из Версаля Л. Кёкенешди, которого намеревался заменить Домокошем Бреннером. Главная внешнеполитическая цель князя не изменилась: он по-прежнему прилагал все усилия, чтобы посадить русских и шведов за стол переговоров при французском посредничестве. По предложению французского посла в Речи Посполитой барона Бесенваля, проанализировавшего изменившуюся после Полтавской битвы международную обстановку, правительство в Версале решило направить к царю посла. Выбор пал на Жан-Казимира Балюза (1648–1718)¹⁴, секретаря французского посольства в Варшаве, которому Л. Кёкенешди лично доставил верительную грамоту французского короля. Во французской дипломатии он считался истинным знатоком восточноевропейских дел. Еще его отец был резидентом в Варшаве, а Жан-Казимир по завершении учебы во Франции в 1670-е гг. поступил на службу к маркизу Бетюну. В общей сложности он 24 года провел в Варшаве и дважды

побывал в Москве: первый раз в 1703–1704 и затем в 1710–1711 гг. Кроме того, Балюз хорошо говорил по-русски. Адресованные ему инструкции были направлены прежде всего на то, чтобы способствовать мирным переговорам при посредничестве Франции и уговорить царя активно выступить на венгерском театре военных действий.

К моменту своего второго назначения в Москву Балюзу уже исполнилось 62 года, и, по мнению хорошо его знавшего Филиппа Гроффэ, он был несколько староват для столь дальнего и утомительного путешествия. Вторым его недостатком было то, что Балюз плохо переносил принятые при царском дворе обычаи употребления алкоголя: благосклонность царя было сложно заслужить, не предаваясь в его обществе обильным возлияниям... По мнению фаворита царя А. Д. Меншикова, Балюз «не приспособился к духу царского двора, который требовал участия в царских развлечениях»¹⁵.

В итоге миссия Балюза провалилась, так как в ноябре 1710 г. разразилась Русско-турецкая война, в подготовке которой, по-видимому, важную роль сыграла французская тайная дипломатия, в особенности посол Франции в Константинополе маркиз Дезаллёр.

Таким образом, предположение, что Россия может присоединиться к дружественным Франции странам Восточной Европы, оказалось абсолютно нереальным. Возможная помощь царя Петра венгерским повстанцам не может рассцениваться как некая «дипломатическая революция», так как французская внешняя политика и в дальнейшем опиралась прежде всего на Швецию, Речь Посполитую и Османскую империю, которые считались врагами России¹⁶.

Ласло Кёкенешди прибыл в Москву одновременно с Балюзом. Его миссия стала абсолютно невыполнимой после того, как развернулась Русско-турецкая война, из-за чего переговоры с министрами царя зашли в тупик. В итоге посол князя в марте 1711 г. уехал из Москвы. С крахом его миссии развеялись последние надежды Ракоци на русскую помощь. Интересы великих держав, особенно Англии, опасавшейся чрезмерного усиления России, вновь вошли в противоречие с внешнеполитическими целями венгерской освободительной войны. В марте 1711 г. Ракоци покинул Венгрию и — в надежде на помощь России — попытался удачи в Москве, где в мае застал ничего не добившегося Балюзу и где с горечью вынужден был признать, что большая часть его планов пошла прахом. В «Мемуарах» князь отчасти винил в своей неудаче Балюзу: «Этот человек был далек от того, чтобы предложить царю союз, он лишь предложил посредничество Наихристианнейшего Короля в мирных переговорах с турками. Внесенное им предложение весьма отличалось от того, что сделал я через Ветеши, и давало обо мне царю весьма странное представление. Этот государь пригласил меня и принял в своем совете. Мне сказали, что Балюз на аудиенции не изложил ничего из того, на что я ему указывал. Я был весьма удивлен. На следующий день я вызвал к себе этого полупосла, и он в конце концов признался, что барон Бесенваль получил прямо противоположный приказ и направил Балюзу лишь с тем, что он и представил»¹⁷. Несколько позже Ракоци причиной окончательного краха своих внешнеполитических планов назвал исход Русско-турецкой войны. «Сражение на Пруте и полная деморализация русской армии, однако, настолько разрушили планы царя, что этот монарх уже вообще не задумывался о союзе с Францией.

В этих “Мемуарах” я не хочу анализировать, почему достославный Людовик XIV, этот дальнзоркий король, пренебрег предложениями царя именно в период переговоров в Гертрэуденберге, потому что в этих обстоятельствах, так же как и в событиях своей жизни, я узнал ту великую истину, которую все проповедуют в полный голос, но в действительности мало кто в нее верит. Человек предполагает, а Бог располагает»¹⁸.

САТМАРСКИЙ МИР И РЕАКЦИЯ НА НЕГО ВО ФРАНЦИИ

Исходя из этого куруцы неизбежно должны были вступить в дальнейшие переговоры с императорскими силами, что и произошло в августе 1710 г. Князь Ракоци хотел воспользоваться в том числе и посреднической помощью великих морских держав, поэтому направил послов к английскому и голландскому правительствам. Королева Анна вскоре установила контакты с императором с целью урегулирования ситуации в Венгрии. К тому времени остаткам бывшей армии Ракоци, численность которой едва достигала 20–25 тыс., противостояло уже около 50 тыс. императорских солдат. После успехов императора в Задунавье и после сдачи Эршекуйвара положение куруцев в Венгрии стало безнадежным. Ракоци пытался спасти свое распадавшееся на части государство: часть сената переселил в Речь Посполитую, поручив при этом графу Берчени переговоры с русскими, а графу Каройи — с императорскими силами. Великие державы Европы, исчерпавшие свои силы в Войне за испанское наследство, также приветствовали начало процесса примирения. Принц Евгений Савойский особенно желал урегулирования ситуации в Венгрии, поэтому поручил графу Яношу Палфи провести переговоры в кратчайшие сроки, что также объяснялось чумой и трудностями снабжения императорских войск¹⁹.

В январе 1711 г. граф Каройи, заключив краткое перемирие, попытался уговорить Ракоци пойти на соглашение с графом Палфи. Князь категорически отказался принести присягу верности и в дальнейшем не оставлял попыток заручиться поддержкой морских держав и России. Продлив полномочия Каройи, 20 февраля 1711 г. в патенте, изданном в Верецке, Ракоци обосновал необходимость своей новой зарубежной поездки, оказавшейся для него последней. Между тем венский двор отклонил посредничество морских держав, используя ловкие юридические аргументы, согласно которым Ракоци не мог считаться военным противником, а только мятежником, восставшим против законного государя. После этого переговоры велись преимущественно об амнистии для мятежников и об изоляции князя. Тактика венского двора, чередовавшего обещания и угрозы, в конце концов принесла свои плоды, и граф Каройи присягнул на верность императору. Вслед за этим Ракоци еще попытал счастья у маркиза Дезаллэра, который к тому времени был французским послом в Константинополе, чтобы тот помог ему получить убежище в Турции. Из-за проявленной Портой осторожности эта попытка не привела к успеху²⁰.

Несмотря на возражения Ракоци, Каройи ускорил процесс мирного урегулирования, и на сатмарском сейме конфедерации сторонники соглашения с им-

ператором оказались в большинстве. После того как Янош Палфи пообещал всеобщую амнистию и добился гарантий свободы вероисповедания для протестантов, преграды, стоявшие на пути к заключению соглашения, были устранены. 30 апреля 1711 г., т. е. вскоре после смерти императора Иосифа I, делегированные представители поставили свои подписи под документом²¹. Ракоци до самого конца противился заключению мирного соглашения, вопреки тому что общественные настроения в Венгрии уже склонились в пользу компромисса. Князь сначала нашел приют на юге Речи Посполитой, но из-за близости к венгерской границе находиться там было опасно. После неудачной попытки покушения он перебрался в Данциг. В этом портовом городе князь-изгнанник решил на поездку во Францию в надежде на то, что сможет принять участие в мирных переговорах, завершавших Войну за испанское наследство. В конце 1712 г. он нанял английское судно «Св. Георгий», которое через порты датского Копенгагена, шведского Марстранда и английского Юла доставило его в Дьеп в Нормандии²².

Несмотря на тесное дипломатическое сотрудничество куруцев и Франции в былые времена, с удивлением приходится констатировать, что факт заключения Сатмарского мира не вызвал большого отклика во Франции. С одной стороны, для французских дипломатов, посвященных в венгерские дела, это событие не стало сюрпризом. Из переписки и донесений французских дипломатов в Венгрии (Дезаллёр, Лемэр, Фьервиль) однозначно следует, что французская дипломатия уже давно брала в расчет возможность провала венгерского восстания. Главной целью французской внешней политики применительно к венгерскому движению куруцев было максимальное продление «венгерской диверсии», которая связывала бы значительные военные силы императора. Для Людовика XIV поддержка куруцкого государства Ракоци была в первую очередь военной необходимостью, обусловленной прежде всего Войной за испанское наследство. Соответственно «венгерская диверсия» являлась для французской дипломатии весьма важным фактором, благодаря которому французская внешняя политика могла получить значительные преимущества при относительно скромных затратах²³.

Таким образом, не стоит удивляться крайней скудости французских источников, связанных с Сатмарским миром. Французская дипломатическая переписка по Венгрии прервалась, французские дипломаты в соседних странах также не занимались, по сути, ситуацией в Венгрии. В Центре дипломатических архивов Нанта имелась папка «Сатмарский договор», которая долгое время числилась по фонду французского посольства в Константинополе (с пометкой: “*Constantinople série A fonds Saint-Priest correspondance secondaire 131 Traité de Szathmar*”). Однако некоторое время назад она была изъята из собрания документов, и с тех пор ее следы потерялись...²⁴ Наряду с отсутствием дипломатических документов обращает на себя внимание и молчание влиятельных кругов версальского двора в связи с исходом венгерской освободительной войны. Автор памятных записок Луи де Ровруа Сен-Симон, например, дал подробный портрет Ракоци и описание венгерской войны, но без упоминания самого факта Сатмарского мира²⁵.

Подобным образом последовательно хранит молчание и самое репрезентативное издание официальной французской прессы того времени — «Газет де Франс» (*Gazette de France*). В номере знаменитого периодического издания от

25 апреля 1711 г. содержится туманная ссылка на то, что граф Каройи присягнул на верность императору, однако автор статьи отмечает: «По-прежнему мало шансов на то, что война завершится согласием». Лишь через месяц, уже после смерти императора, газета признается: «Курьер доставил известие, что граф Палфи заключил с Каройи и остальными конфедератами соглашение (*accommodement*)». В последующие недели в публикуемых в газете новостях без устали перечислялись политические, юридические и административные препятствия, стоящие на пути к соглашению. Связанная с этим последняя заметка датирована 4 июля 1711 г. Речь в ней шла о ратификации императором договора, но со следующим комментарием: «Ничто не указывает на то, что Ракоци и остальные вожди приняли бы его»...²⁶

Любопытно проследить, какое отражение получил Сатмарский мир в различных словарях и энциклопедиях XVIII в. Для начала обратимся к труду Луи Морери «Большой исторический словарь, или Любопытная смесь священной и мирской истории» (*Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane*”, 1725), в котором искомый топоним встречается в искаженной форме *Zatmar*. В общем определении автор, не вдаваясь в подробности, подчеркивает, что этот населенный пункт, некогда принадлежавший куруцам, теперь находится под властью императора, но события 1711 г. не упоминает²⁷. Долгое время широкой популярностью пользовался и другой труд, который можно считать весьма достоверным изданием, в том числе и по венгерской географии и истории, — «Большой историко-географический критический словарь» (*Le Grand Dictionnaire Géographique et Historique et Critique*”, 1768) Брузена де ла Мартиньера²⁸. Автор дает ссылку на историческое место как на географическое наименование в основательно переименованной на французский манер форме *Zathmar* (*Szatmár*). Статья различает населенный пункт и комитат с тем же названием, но относительно исторической роли топонима имеется лишь неточная ссылка без упоминания соглашения²⁹. С учетом двух вышеуказанных примеров неудивительно, что и статьи «Энциклопедии» Дидро и д’Аламбера, касающиеся города и комитата, не содержат упоминания о факте и дате крупного венгерского исторического соглашения³⁰.

ФРАНЦУЗСКИЕ СВЯЗИ ЭМИГРАЦИИ РАКОЦИ

Высадившись в начале января 1713 г. на берег в Нормандии, князь Трансильвании поспешил прямо в Париж. Присутствие Ракоци, восставшего против законного государя, было достаточно шекотливым моментом для Людовика XIV, желавшего заключить мир с Габсбургами. По этой причине дорогой гость Короля-Солнце был вынужден появляться при дворе инкогнито — как «граф Шарош». Воспитанный во французской культурной традиции Ракоци довольно быстро освоился в своеобразном мире королевского двора в Версале³¹.

Ракоци со свитой поселился в окрестностях Парижа. Хотя он получал хорошее содержание от французского монарха, но для расходов на штат придворных этого, видимо, было мало. Получивший мировую известность благодаря роману

аббата Прево «Манон Леско» (1731 г.) игорный дом *Hôtel de Transylvanie*, который содержали сторонники Ракоци, вероятно, обязан своим возникновением именно этому обстоятельству³². Утрехтский и Раштаттский мирные договоры были заключены великими державами без какого бы то ни было участия эмигрантов-куруцев, а смерть престарелого Людовика XIV стала поворотным моментом в жизни самого Ракоци. Из придворного при версальском дворе он постепенно превратился в отшельника, отвернувшегося от внешнего мира. Его уединение не означало полной изоляции, ведь князь постоянно следил за внешнеполитическими событиями. Возобновившаяся австро-турецкая война предлагала новые возможности для организации восстания в Венгрии, и Ракоци, приняв приглашение султана, в 1717 г. покинул Францию и перебрался в Турцию.

К разочарованию венгерских эмигрантов, война уже близилась к концу, когда султан в Адрианополе по существу стал заниматься их делом, но с заключением Пожаревацкого мира (1718 г.) улетучились все надежды на активное использование венгров. Это привело к тому, что эмигранты-куруцы снова вынуждены были отойти в сторону, особенно с учетом того, что на мирных переговорах встал вопрос об их выдаче. Дабы не привлекать повышенного внимания, Блистательная Порта определила в качестве места пребывания венгерских эмигрантов небольшой портовый город Родосто на побережье Мраморного моря. В этнически пестрый Родосто в XVIII в. османская верхушка селила эмигрантов и из других европейских стран, в том числе поляков. Этот городок одновременно был и духовной лабораторией скрывающегося беглеца Ракоци, и дипломатической ставкой князя-изгнанника. Наряду с политикой философские занятия также играли важную роль в последний период жизни пожилого, но всё еще полного надежд князя.

Ракоци, даже находясь в Родосто, пытался включиться в международную политическую жизнь. Он писал меморандумы и направлял послов в различные европейские дворы, в первую очередь во Францию и Испанию, но также и в Россию. И если официальная дипломатия оставалась глуха, то авантюристы всякого рода стремились воспользоваться доверчивостью старого Ракоци. Князь был связан с известным французским ренегатом той эпохи — пашой Бонневалем, имевшим дурную славу. Доверие пожилого князя к заграничным авантюристам несколько отдалило его от соотечественников, бежавших из Венгрии, и его изоляция лишь усилилась. В 59-летнем возрасте Ракоци умер от болезни в кругу своих соотечественников-изгнанников. С его смертью утратили надежду венгерские движения борьбы за независимость, для которых при этом память об изгнаннике Ракоци осталась неисчерпаемым источником.

Темные краски при написании исторического портрета князя усиливала и не слишком славная жизнь его двух сыновей. Как известно, двух его отпрысков — Йожефа (1700–1738) и Дёрдя (1701–1756) — с ранней юности воспитывали под строгим императорским контролем, чтобы добиться отчуждения этих двух «орлят» от венгерских национальных ценностей, видным носителем которых был их отец. Обучавшийся в Падуанском университете Дёрдь в 1726 г. бежал во Францию, а затем — в 1727 г. — навестил отца в Родосто. По свидетельству очевидца Келемена Микеша, встреча отца с сыном подействовала отрезвляюще на свиту и на самого пожилого князя. Впоследствии Дёрдь жил

в Париже на содержание, полученное от французского короля, вплоть до самой смерти в 1756 г. Жизненный путь Йозефа был значительно богаче на приключения. После побега из Вены, узнав о начале очередной австро-турецкой войны, в 1736 г. он поехал в Константинополь. Вняв уговорам авантюриста паши Бонневая, в качестве вождя венгерских эмигрантов Ракоци-сын включился в конфликт, в котором надеялся вернуть Трансильванское княжество. Султан признал его князем и даже правителем Венгрии, однако этими титулами честолюбивый Ракоци-младший наслаждался недолго, ибо вскоре умер. Значительная часть европейской общественности осудила выступление Йозефа Ракоци, а папа римский наказал претендента на трон, вступившего в союз с турками, отлучением от церкви³³.

С эмиграцией был связан и процесс, в ходе которого несколько тысяч венгерских военных уехали во Францию, чтобы служить в созданных там гусарских полках. Какие причины привели в эмиграцию такое большое число венгерских военных? С одной стороны, с завершением в 1718 г. войн с османами масса военнослужащих стала лишней. Эти закаленные в боях воины были востребованным товаром на западноевропейском рынке наемников. В военном искусстве XVIII в. тактика так называемой малой войны вошла в моду, и специальная литература по тактике настоятельно рекомендовала использование венгерских кавалеристов в типичных маневрах малой войны, а именно в набегах, разведке или устройстве западней. Как известно, в ходе Освободительной войны под предводительством Ракоци куруцы проиграли все значительные сражения, но в то же время благодаря военным операциям в виде набегов долгие годы успешно противостояли более дисциплинированным и лучше оснащенным императорским войскам. Часть бежавших за границу куруцев занимала довольно высокие посты в офицерском корпусе гусарских полков во Франции. Из их числа наибольшую известность получил Ласло Берчени (1689–1778) — сын графа Миклоша Берчени, дослужившийся до маршала Франции. Успешная карьера многих венгерских военных во Франции доказывает, что венгерская военная тактика являлась образцом для подражания даже для развитых западных армий. Венгры стали одной из гарантий военного успеха. В городе Тарб на юге Франции находится единственный международный гусарский музей, который призван поддерживать память обо всех подобных подразделениях мира. Венгерская эмиграция Ракоци благодаря своим военным достижениям, несомненно, была уникальным явлением в военном искусстве своего времени³⁴.

Внешнеполитические планы Ракоци периода эмиграции не представляли собой полностью изолированных и лишенных какого-либо эффекта попыток. Французская дипломатия еще долго пользовалась услугами венгерских агентов, хорошо владевших, между прочим, и турецким языком, а венгерские сословные движения конца XVII — начала XVIII в. были тесно связаны с принимающими решения правящими кругами как Франции, так и Османской империи. Французская внешняя политика по вполне определенным соображениям до середины XVIII в. не позволяла забыть идею возможной венгерской диверсии, основываясь на той вековой дипломатической традиции, что в случае войны французский король был вправе вести в Венгрии и Трансильвании подрывную деятельность. В XVIII в., в особенности после поражения Освободительной войны под

предводительством Ракоци, французская дипломатия стала проявлять большую осторожность в деле венгерского мятежа, отнеся венгерский вопрос к сфере интересов Османской империи, но в то же время стремилась использовать пришедшие кстати венгерские движения в ходе конфликтов и войн с противником-императором. Людовика XV (1715–1774) в рассматриваемый период в большей мере занимали дела Речи Посполитой, которая являлась важнейшим звеном планируемого французами союза, так как благодаря свободному избранию короля именно там легче всего было возвести на престол профранцузски настроенного монарха. В то время пока официальная французская внешняя политика искала возможности примирения с Габсбургами, о чем упоминалось и в завещании Людовика XIV, тайная королевская дипломатия (знаменитая *Secret du Roi*) трудилась над созданием ориентированного на Францию антигабсбургского союза. Для поддержания связи и получения информации активно пользовались услугами проживавших в Родосто и во Франции венгерских эмигрантов. Среди венгерских агентов на французской службе, действовавших на территории Османской империи, были Адам Яворка, Адам Мариашши, Андраш Тот, а позднее его сын, знаменитый Франсуа де Тотт (1733–1793).

О последнем, пожалуй, стоит упомянуть более подробно, так как в 2013 г. отмечается круглая годовщина его рождения и смерти. Отец, Андраш Тот, после завершения Освободительной войны под предводительством Ракоци служил французскому королю в качестве гусарского офицера и дипломата на Востоке. Франсуа также проявил себя и на том и на другом поприще, кроме того, потомки знают его как беллетриста и востоковеда. Он с успехом выполнил несколько дипломатических поручений, прежде всего на территории Османской империи. С его именем связаны укрепление Дарданелл и Босфора, реформа турецкой артиллерии и план французской военной экспедиции в Египет. Свои впечатления барон де Тотт изложил в имевших грандиозный успех «Мемуарах о турках и татарах», не раз переизданных на разных языках³⁵.

Дипломатические успехи венгерских эмигрантов на французской службе заслуженно получили признание потомков. Но не следует забывать и о достижениях в интеллектуальной сфере, в особенности самого Ференца II Ракоци в годы эмиграции. Кажущаяся неактивность, что стала уделом князя в эмиграции, направила его силы на философские, религиозные и литературные занятия. Он был до крайности открыт к восприятию различных идейных течений, сильное влияние которых проявилось и в его произведениях, созданных в изгнании. В работах, написанных на французском и латинском языке во французском Гробуа и в Родосто («Исповедь», «Политическое и нравственное завещание», «Мемуары»), отчетливо слышны мотивы учения янсенистов.

Другим серьезным культурным приобретением эмиграции является творчество Келемена Микеша. Этот автор остро прочувствовал пребывание на чужбине и как посредник оказал плодотворное влияние на венгероязычную литературу. И хотя самое известное произведение Микеша — «Письма из Турции» — было опубликовано лишь в 1794 г., можно согласиться с мнением, что это несколько запоздалое издание ретроспективно переписало историю венгерской литературы XVIII в. Гораздо менее известны переводы Микеша с французского, которые до последнего времени оставались в рукописи. Можно объяснить духовным

влиянием князя Ракоци тот факт, что его секретарь перевел на венгерский язык значительное число работ янсенистского толка, в том числе катехизис Франсуа-Эме Пуже (“*Cathecismus formájára való közönséges oktatások*”) и «Историю жизни Иисуса Христа» аббата Ле Турно (“*Krisztus Jézus életének históriája*”). Не исключено, что Микеш имел контакты с писателями, переводчиками и даже людьми искусства, жившими в резиденции французского посла в Пере, если не иначе, то через их рукописные произведения. Вероятно, он читал рукописи сделанных по заказу французского короля переводов восточных произведений, и, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что он использовал их при написании «Писем из Турции»³⁶.

Подводя итоги, можем констатировать, что путь, приведший к Сатмарскому миру, был неизбежен даже в том случае, если бы французская дипломатия проявила себя более активно. Но в действительности Версаль к тому времени уже отказался от поддержки «венгерской диверсии». Усердные попытки Ференца II Ракоци, направленные на согласование несопадающих интересов России и Франции, могли быть результативными лишь до поры до времени. Что касается венгерского вопроса, то французское правительство, замалчивая факты или преподнося их в искаженном виде, для широкой публики старалось «держать блюдо подогретым». В конце войны это стремление могло быть направлено на то, чтобы избежать деморализации населения и поддержать надежды на будущее. Примечательным отголоском этой политики были пробелы в научных работах последующего времени. Сатмарское соглашение всё же не осталось совсем без отклика во Франции. Ведь с этим важным событием связаны появление там венгерской эмиграции и история успеха венгерских гусар в Европе.

Последний этап жизни Ракоци выпал на эпоху, когда возможности венгерских движений за независимость сократились до минимума. С ликвидацией турецкого владычества в Венгрии и концом европейской гегемонии Франции политическое сопротивление династии Габсбургов лишилось двух важных опор. Таким образом, эмиграция наступила при менее благоприятных обстоятельствах и в менее удачный период, что изначально обрекало на поражение все инициативы эмигрантов. Исходя из этой ситуации, которую можно назвать трагической, перед нами вырисовывается противоречивый портрет князя, предводителя Освободительной войны. С одной стороны, объявленный вне закона монарх, противящийся ходу истории, с другой — до самой смерти преданный идее национальный герой, не знающий компромиссов. Демистификация, равно как и сотворение кумира в какой-либо форме, содержит в себе определенный моральный или политический приговор. Человеку, живущему в наше время, в первую очередь следовало бы не выносить приговор эпохе, а стараться узнать ее и понять в ней человека и его поступки, изучая обстоятельства и идеи того времени. С одной стороны, потомки судят прежде всего по достигнутым результатам и по системе ценностей, ориентированной на успех. С другой стороны, итог взятой в более широком контексте ракоцианской эмиграции всё же следует считать скорее положительным. Венгерские эмигранты ознакомились с идейными течениями эпохи и, пусть и со значительным опозданием, но познакомились с ними венгерскую культуру. В то же

время венгерская тактика малой войны и сами венгры с распространением гусар в Европе послужили для западного военного искусства определенной моделью и образцом, которые характеризовались заметным количеством успешных карьер и выдающихся достижений.

Перевод с венгерского Ч.Б. Желицки

- ¹ *Schnakenbourg E.* La France, le Nord et l'Europe au début du XVIIIe siècle. Paris, 2008. P. 78–80.
- ² *Köpeczi B.* La France et la Hongrie au début du XVIIIe siècle. Вр., 1971. 203. old.
- ³ Барон Жан-Виктор де Бесенваль (*Jean-Victor baron de Besenval*, 1671–1736) — отпрыск швейцарского рода, состоявший на французской службе. Ср.: *Schnakenbourg E.* Les diplomates français en Europe du Nord au début du XVIIIe siècle: une approche prosopographique // *Revue d'histoire diplomatique*. 2010. N 3. P. 227–244.
- ⁴ Цитирует: *Köpeczi B.* Op. cit. 205. old.
- ⁵ II. Rákóczi Ferenc fejedelem emlékiratai a magyarországi háborúról 1703-tól annak végéig / Ford. I. Vas; a tanulmányt és a jegyzeteket írta B. Köpeczi; a szöveget gondozta I. Kovács. Вр., 1978. (далее — Rákóczi emlékiratai). 401–402. old. (AR. 3. osztály. Írók. II. Rákóczi Ferenc művei. I. köt.).
- ⁶ *Frost R.I.* The Northern Wars 1558–1721. London, 2000. P. 283–284.
- ⁷ *Schnakenbourg E.* Op. cit. P. 92–93.
- ⁸ *R. Várkonyi Á.* “Ad pacem universalem” // *Századok*. 1980. 114. évf. 2. sz. 165–200. old.
- ⁹ Rákóczi emlékiratai. 410–411. old.
- ¹⁰ *Köpeczi B.* Op. Cit. 279–280. old.
- ¹¹ Цит. по: *Köpeczi B.* Op. cit. 289. old.
- ¹² *Bély L.* Les relations internationales en Europe XVIIe–XVIIIe siècles. Paris, 1992. P. 413–414.
- ¹³ Rákóczi emlékiratai. 415. old.
- ¹⁴ Жан-Казимир Балюз (*Jean-Casimir Baluze*) — секретарь посольства в Варшаве и посол в Москве. Биографические сведения см.: *Schnakenbourg E.* Les diplomates français en Europe du Nord au début du XVIIIe siècle: une approche prosopographique // *Revue d'histoire Diplomatique*. 2010. N 3. P. 228–244.
- ¹⁵ *Schnakenbourg E.* Les diplomates français... P. 243–244.
- ¹⁶ *Idem.* La France, le Nord et l'Europe... P. 98–102.
- ¹⁷ Rákóczi emlékiratai. 424. old.
- ¹⁸ *Ibid.* 425. old.
- ¹⁹ *Köpeczi B., R. Várkonyi Á.* II. Rákóczi Ferenc. Вр., 2004. 442–451. old.
- ²⁰ *Hammer, J. de.* Histoire de l'Empire ottoman depuis son origine jusqu'à nos jours. Paris, 1839. T. XIII. (1699–1718). P. 228.
- ²¹ *Bérenger J., Kecskeméti Ch.* Parlement et vie parlementaire en Hongrie 1608–1918. Paris, 2005. P. 176–177.
- ²² *Köpeczi B.* A bujdosó Rákóczi. Вр., 1991. 58. old.
- ²³ *Hochedlinger M.* Austria's Wars of Emergence 1683–1797. London, 2003. P. 191–192.
- ²⁴ Об этом автору любезно сообщила архивист госпожа Анн-Софи Крас из Центра дипломатических архивов Нанта (*Centre des Archives Diplomatiques de Nantes*).
- ²⁵ См.: *Hourcade Ph.* Eustache Le Noble et Saint-Simon, historiens de Rakoczi et de la Guerre des Mécontents // *Cahiers Saint-Simon* 1979. N 7. P. 15–25.
- ²⁶ Ср.: *Cadilhon F.* La Gazette de France et les enjeux de la guerre d'indépendance hongroise au début du XVIIIe siècle // *Studia Caroliensia*. 2004. N 3–4. P. 134.

- ²⁷ *Moréri L.* Le grand dictionnaire historique ou le mélange curieux de l'histoire sacrée et profane. Paris, 1725. T. VI. P. 230.
- ²⁸ Ср.: *Kövér L.* La réception de la Hongrie d'après Bruzen de la Martinière // Mille ans de contacts, Relations franco-hongroises de l'an mil à nos jours / Dir. M. Payet, F. Tóth. Szombathely, 2001. P. 205–212.
- ²⁹ *Bruzen de la Martinière A.-A.* Le Grand Dictionnaire Géographique et Historique et Critique. Paris, 1768. T. VI. P. 356.
- ³⁰ Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences et arts et de métiers. Genève, 1779. T. 36. P. 389.
- ³¹ Ср.: *Köpeczi B.* A bujdosó Rákóczi. Бр., 1991; *Tóth F.* Emigré or Exile? Francis Rákóczi II and His Exile in France and Turkey // Monarchy and Exile. The Politics of Legitimacy from Marie de Médicis to Wilhelm II / Ed. by Ph. Mansel, T. Riotte. London, 2011. P. 91–102.
- ³² Об истории “*Hôtel de Transylvanie*” см.: *L. Mouton.* L'Hôtel de Transylvanie. Paris, 1907.
- ³³ *Lukinich I.* Az utolsó Rákócziak // Rákóczi Emlékkönyv. Бр., 1936. 271. old.
- ³⁴ Об этом см.: *Tóth F.* Ascension sociale et identité nationale. Intégration de l'immigration hongroise dans la société française au cours du XVIIIe siècle (1692–1815). Бр., 2000.
- ³⁵ См.: Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Maestricht, 1785¹, Paris; Genève, 2004² (Bibliothèque des correspondances, Mémoires et journaux. N 7).
- ³⁶ Ср. *Tóth F.* Adalékok Mikes Kelemen *Törökországi levelek* című művének kézirat történetéhez // Irodalomtörténeti Közlemények. 2004. 5–6. sz. 559–567. old.

Е.И. Кобзарева

ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО 1684 г. в РОССИЮ — ОДНА ИЗ ПОСЛЕДНИХ ПОПЫТОК РУССКО-ШВЕДСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

После Смуты перед Россией стояли две основные задачи — вооруженным путем вернуть земли, захваченные Речью Посполитой и Швецией, и защитить южные рубежи страны. Одновременно вести борьбу в двух направлениях Москва не могла. С 1654 по 1667 г. она вела войну за Украину. (В дальнейшем, с завершением войны с поляками в 1667 г., Москва принимала участие в польско-русско-турецкой войне (1672–1681 гг.), оказывала сопротивление татарам.) В 1656 г. Русское государство напало на Швецию, но война в 1661 г. неудачно завершилась для России Вечным Кардисским миром, заключенным на условиях Столбовского мира 1617 г.

В то же время территориальные претензии России к Швеции сохранялись. Лишь в 1684 г. произошла нормализация отношений Москвы и Стокгольма, в русской столице было принято шведское посольство. Почему московское руководство — последний раз перед приходом к власти Петра I — решило совершить соответствующий шаг? На что рассчитывала каждая из сторон? Следует ли рассматривать, как это иногда делают в литературе, подтверждение Кардисского мира как большую уступку шведам со стороны Москвы?

В 60-е годы XVII в. Россия и Швеция сохраняли мирные отношения. В 1672 г. Россия предприняла дипломатическую акцию, целью которой являлось создание широкой антиосманской коалиции: во многие европейские страны были снаряжены гонцы с предложением начать войну против султана, в том числе в Швецию поехал в 1672 г. дьяк Емельян Иванович Украинцев. Вместе с тем время, когда тогдашний шведский король Карл XI (1660–1697 гг.) царствовал, опираясь на регентов, истекло, и в 1672 г. он стал самостоятельно править страной. Россия и Швеция должны были подтвердить мир 1661 г. Украинцев привез в Стокгольм царскую грамоту, в которой говорилось о готовности принять для этого в Москве шведское посольство, при этом предстояло урегулировать ряд спорных вопросов.

В ответ в Россию в 1673 г. прибыло посольство графа Густава Оксеншерны. Хотя формально шведы предлагали заключить союз, который позволил бы объединить силы государств в борьбе с султаном, реально Карл XI хотел предупредить ожидавшееся нападение русских — только что завершилось восстание Степана Разина, и теперь Москва могла направить силы против шведов. Мир был сохранен. Но Кардисский договор так и не был подтвержден.

Между тем еще в 50-е годы XVII в. началось сближение Русского государства со странами Габсбургской коалиции как с потенциальными союзниками по борьбе со Стокгольмом. Во время Голландской войны 1672–1679 гг. габсбургская коалиция оказала сильное давление на Москву, добиваясь, чтобы последняя во время порубежных переговоров со шведами, перебросив войска к русско-шведской границе, предъявила шведам обвинения в умалении чести и достоинства русских царей и в порядке компенсации потребовала возвращения Ижорской земли (Ингерманландии), потерянной русскими во время Смуты. (Речь шла о части Ижорской земли, отделенной от морского побережья; на этой территории находились хорошо укрепленные крепости Ивангород, Ям, Копорье, Орешек. Вопрос о получении выхода к Балтике при обсуждении возвращения этих земель России не стоял, но пересмотр Кардисского мира мог стать первым шагом, если бы Россия начала борьбу за получение выхода к Балтийскому морю.)

При переговорах с участниками габсбургской коалиции русские обещали, что предпримут действия против Швеции, по крайней мере попытаются оказать на нее дипломатическое давление. При этом Москва надеялась, что империя предоставит помощь России в борьбе с султаном и татарами. Основные русско-шведские переговоры периода Голландской войны состоялись осенью 1676 г., на границе России и Швеции, на р. Меузица. Шведам были предъявлены многочисленные, в том числе старые обвинения в оскорблении чести и достоинства царя; многие из них не имели никакого отношения к делу, были основаны на плохом знании географии (русские говорили о жителях шведских городов, хотя реально речь шла о городах империи). Еще в 1670 г. начавший служить царю в качестве почтмейстера фон Стаден должен был выполнить предъявленное Алексеем Михайловичем требование добиваться наказания издателей рижских газет, печатавших «лживые куранты» о Стеньке Разине и других «непристойных делах» (правомерность этих обвинений была сомнительна, и это должны были понимать даже русские: рижские газеты обычно перепечатывали сведения из «цесарских» (издававшихся в империи) и голландских газет). Тогда русское правительство не сочло нужным пытаться решать вопрос на уровне дипломатических миссий, путем переговоров с Карлом XI¹.

Теперь, в 1676 г., шведы не согласились с представленными им на Меузице обвинениями. Шведские послы уехали, испугавшись возможности начала войны с Россией и прервав съезды. Хотя русским не удалось добиться от Стокгольма выполнения предъявленных требований, но шведы были вынуждены держать в Лифляндии войска, в результате они не могли направить дополнительные силы против Габсбургов. Благодаря этому Бранденбургу и империи удалось нанести ряд поражений шведам в Померании, где в то время находился основной театр Голландской войны.

В последующие годы шведы всеми правдами и неправдами избегали возобновления переговоров. В дальнейшем Стокгольм неоднократно обвинял русскую сторону в том, что переговоры на Меузице были предприняты по требованию участников габсбургской коалиции, что шведы были вынуждены держать войска в Лифляндии и не могли направить дополнительных людей против габсбургской коалиции, которая в результате одержала важные победы.

Несмотря на то что русские выполнили просьбу участников габсбургской коалиции, обещанной цесарем помощи Россия так и не получила. Однако по-

литика оказания умеренного давления на Швецию вполне устраивала Москву; даже после завершения в 1679 г. Голландской войны и подписания Нимвегенского мира, после того как Габсбурги потеряли интерес к тому, чтобы Россия добивалась выполнения своих требований, Русское государство продолжало настаивать, чтобы шведы вернули Ижорскую землю.

Тем временем международная обстановка стала меняться. Напуганная успехами Франции, которая во время Голландской войны достигла своего апогея, Европа уже не хотела идти по линии переговоров о союзе с Людовиком XIV. Началась перегруппировка сил. К февралю 1683 г. в результате соперничества империи и Франции сформировались две коалиции: с одной стороны — Голландия, Испания, Швеция и Империя, с другой — Франция, Дания и Бранденбург. Франция соглашалась сохранить мир с империей только ценой больших уступок со стороны Леопольда I².

Вместе с тем усиливалось давление на Европу со стороны Османской империи, переговоры Вены со Стамбулом весной 1682 г. показали, что продлить мир не удастся: султан предъявлял неприемлемые условия, требуя со стороны империи территориальных уступок, которые фактически открывали туркам путь к Вене, а также добивался выплаты дани³. Шло формирование антиосманской лиги, главными членами которой предстояло стать цесарю, папе римскому, Речи Посполитой и России (обсуждался вопрос о создании широкой антиосманской коалиции). Основным препятствием на пути присоединения к коалиции Русского государства являлось отсутствие Вечного мира между Россией и Речью Посполитой. Еще недавно, в 1682 г., польско-крымские отношения носили выраженный антироссийский характер, при том что Речь Посполитая старалась вбить клин между Стамбулом и Бахчисараем. Успешное проведение предполагаемой политики позволило бы усилить позиции Речи Посполитой по отношению к России⁴.

В Москве вступили на престол царевичи Иван и Петр, и князь Василий Васильевич Голицын (1643—1714) и царевна Софья (1657—1704) получили в свои руки власть. Патрик Гордон (1635—1699) прилагал усилия уговорить кн. В.В. Голицына, что следует принять участие в войне против Крыма⁵. Однако русские, понимая свою заинтересованность в борьбе с татарами, не спешили присоединяться к антитурецкой коалиции. До этого Москва и Варшава неоднократно пытались договориться об объединении («случении») сил, но поляки каждый раз предлагали неприемлемые условия. В Посольском приказе считали, что вхождению России в антиосманскую коалицию неизбежно должно предшествовать заключение Россией Вечного мира с Речью Посполитой (последнее было основной внешнеполитической задачей) и что этот вопрос должен решаться на комиссии не раньше 1685 г.⁶ Видимо, в Кремле не вполне сознавали, что Леопольд I и папа римский давно смирились с мыслью, что усиление России за счет Речи Посполитой неизбежно (Россию считали наиболее надежным союзником в борьбе с султаном) и что условия Андрусовского перемирия фактически рассматриваются как условия русско-польского мира.

В.В. Голицын стал ориентироваться на союз с Людовиком XIV. Русские соглашались присоединиться к антитурецкой коалиции лишь при условии, если в ее состав войдет Франция — традиционный союзник Османской империи.

Как считает К.А. Кочегаров, другие страны должны были активно выступать против присоединения Франции к антиосманской коалиции и таким образом Россия как бы отказывалась войти в состав коалиции, или Россия, предлагая это условие, тем самым призывала к объединению всего христианского мира⁷.

Перегруппировка сил в Европе в начале 80-х годов XVII в. привела к изменению русской политики по отношению к Швеции. Если до этого, в 50–70-е годы XVII в., Россия ориентировалась на габсбургскую коалицию, то теперь на повестке дня стояло сближение со странами, принадлежащими к разным коалициям. К проведению такой политики подталкивало отсутствие Вечного мира с Речью Посполитой, что, кстати, при отсутствии давления со стороны императора и его союзников дополнительно способствовало отказу от конфронтации со Швецией. (В Москве также имелись сторонники продолжения войны с Речью Посполитой, но, видимо, их было немного и они не пользовались большим влиянием⁸; трудно сказать, считали ли они, что война нужна, чтобы добиться мира на условиях Андрусовского перемирия, или думали о новых завоеваниях.)

В 1681 г., после заключения Бахчисарайского договора, как свидетельствуют русско-шведские источники, напряжение в русско-шведских отношениях возросло⁹. В Москве находился шведский торговый агент Христофер фон Кох, который сблизился с В.В. Голицыным. Используя фон Коха, Карл XI выразил готовность оказать империи помощь в борьбе с султаном — тогда бы Россия, вероятно, пошла по линии замирения со Швецией и, в случае заключения Вечного мира, участия в антиосманской коалиции. В.В. Голицын очень этому обрадовался и стал задавать вопросы об отношениях Швеции к Крыму¹⁰ (непонятно, действительно ли канцлер верил в желание Стокгольма присоединиться к антиосманской коалиции или видел в предложении фон Коха стремление подтвердить мирные отношения России и Швеции, или играли существенную роль идеи создания общехристианской лиги). Осенью 1682 г. в Швецию был отправлен писарь Посольского приказа Кондратий Никитич, сделавший предложение заключить союз.

Тем временем приехавший в Россию в связи с распространившимися слухами о намерении Москвы вступить в союз с Копенгагеном¹¹ датский посол Гильдебрант фон Горн ратовал за союз с Данией. В июле Борис Алексеевич Голицын (1651–1714) лично продиктовал фон Горну письмо к Кристиану V (1670–1699 гг.) с просьбой уговорить своих союзников во Франции, Англии и Бранденбурге поддержать Петра в борьбе против Софьи. Предложение Голицына повторил ставший к этому времени думным дьяком Емельян Игнатьевич Украинцев. Речь шла о заключении секретного союза с Данией и Бранденбургом против Швеции, при этом предполагалось вновь потребовать возвращения Швецией России Ижорской земли и Карелии¹², т. е. вернуться к традиционной политике, которую Русское государство проводило в 50–70-е годы XVII в., ориентируясь на союз с Копенгагеном и Берлином (при том, что теперь они разорвали союз с империей). Осенью 1683 г. Борис Алексеевич Голицын говорил двоюродному брату Василию Васильевичу Голицыну, что беседовал со всеми виднейшими боярами и что все благосклонно относятся к идее вступить в договор с Данией, но что он не смог убедить Василия Васильевича поставить этот вопрос в Думе. Тот резко осуждал своего кузена. Борис Алексеевич и поддерживавшая его царица Наталья

Кирилловна Нарышкина советовали фон Горну подкупить В.В. Голицына, но безрезультатно¹³.

Но вопрос о подтверждении мира со Швецией был решен. В августе 1683 г. в Стокгольм поехал окольный Иван Афанасьевич Прончищев (†1687), неоднократно участвовавший в переговорах со шведами. Он в 1661 г. заключал Кардисский мир после того, как от переговоров со шведами был отстранен Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680), настаивавший на том, чтобы шведы уступили России ливонские города; Прончищев являлся послом во время переговоров со шведами на Меузице в 1676 г. В состав посольства также вошли сын И.А. Прончищева стольник Петр Иванович Прончищев (†1700) и дьяк Василий Бобинин. Послы выразили готовность русской стороны подтвердить Кардисский мир и Плюсский договор (1558 г.). И.А. Прончищев привез в Стокгольм грамоту с поручением узнать, действительно ли Швеция заключила союз с цесарем и Речью Посполитой; шведы обещали направить на помощь цесарю и Речи Посполитой 8 тыс. чел. Шведы говорили о своем намерении вернуться к обсуждению спорных вопросов русско-шведских отношений, что едва не привело к разрыву переговоров. Затем шведы заявили, что скоро отпустят послов. Последнее заявление свидетельствует о том, что они хотели сохранения дипломатических отношений¹⁴.

В то же время Г. Оксеншерна, ведший переговоры с русскими уполномоченными, в конечном итоге проявил готовность не возвращаться к обсуждению обвинений, которые до этого русские ставили в вину шведам: «Нет смысла говорить о снеге, который выпадал в прошлом году; не следует вспоминать обо всех старых делах, но о них следует забыть». В конечном счете было согласовано подтверждать договор в Москве, куда должно было приехать шведское посольство. В то же время было решено, что договор будет скреплен крестоцелованием, которое в русской дипломатической практике обычно не использовалось, что вызывало определенное беспокойство у шведов. В Швеции не были уверены, что в дальнейшем русские согласятся, как они обещали в Стокгольме, использовать крестоцелование в качестве доказательства того, что договор был действительно подтвержден¹⁵. (В XVI в. русские цари целовали крест лишь в присутствии узкого круга лиц; при этом монархи обнажали голову, чего не делали ни в каких других ситуациях. В середине XVII в. возле трона ставили аналой с положенными на него грамотами, после чего государь прикладывался к кресту и Евангелию: «Церковно-этикетные наслоения постепенно скрыли магическую природу обряда крестного целования, ранее проступавшую в нем куда более явственно»¹⁶.) Москва, куда послы возвратились 4 января, была вполне удовлетворена результатами переговоров.

Вместе с тем в Посольском приказе получали сведения о событиях, происходивших на международной арене. Еще в октябре в Посольском приказе стало известно о разгроме турок под Веной. К концу ноября в России были получены известия, что соглашение цесаря со Швецией заключено. В ноябре в Москву прибыл польский посланник Ян Окраса, сообщивший о поражении султана под Веной и просивший весной направить на помощь против османов царские рати, при этом посланник подчеркивал, что Речь Посполитая вступила в союз с цесарем. Однако бояре практически отказались от ведения переговоров: «То дело самое

великое, а не малое». Следовало ожидать созыва комиссии для решения вопроса о Вечном мире, без нее бояре не будут решать никаких вопросов¹⁷. Большинство склонялось к миру с Речью Посполитой и ведению борьбы с Крымом¹⁸.

В январе 1684 г. в столице проходил Земский собор, который должен был рассмотреть вопрос о мире с Речью Посполитой (в 1653 г. Земский собор принимал решение о начале войны с поляками; так как в силу того, что Андрусовское перемирие 1667 г. было только перемирием, вопрос о мире с поляками опять же предстояло решать сословным представителям; работавшая в рамках собора Боярская дума постановила, что сначала следует заключить мир с Речью Посполитой, а затем обратиться к проблеме, вступать ли и на каких условиях в союз с Варшавой)¹⁹.

Основные события, связанные с восстановлением отношений России и Швеции, относятся к 1684 г. Шведское посольство в Москву включило в свой состав Конрада Гюлленшерна, Иоанна Клингстеда, Отто Стакельберга. Послам предстояло подтвердить Кардисский мир²⁰.

Карл XI, не будучи уверенным в благоприятном исходе переговоров в Москве, опасался, что речь идет о камуфляже и дипломатической уловке. Шведы, учитывая информацию, поступавшую от Х. Коха, в первую очередь собирались предложить России заключить антиосманский союз, и этой проблемы касалось 88 параграфов инструкции послам. Швеция предлагала свою помощь во имя поддержания дружественных отношений с Россией. Вероятно, Карл XI хотел обезопасить себя от нападения со стороны России, рассчитывая, что она будет вести борьбу с Крымом, и именно так эти высказывания воспринимались русскими — как залог нужного ей мира со Стокгольмом. Стокгольм собирался проявить настойчивость, делая свои предложения²¹.

28 апреля послы прибыли в Москву, где были приняты с невиданным торжеством²². Послы сообщили о своем намерении подтвердить Вечный Кардисский мир.

В Москве был подготовлен наказ назначенным вести переговоры В.В. Голицыну и Ивану Васильевичу Бутурлину. Наказ, как многие документы такого рода, начинался с выражения желания поддерживать постоянную дружбу двух стран. Несмотря на то что в Стокгольме шведы говорили, что не стоит вспоминать о прошлогоднем снеге, на всякий случай наказ включал список случаев умаления чести и достоинства русских царей. Все обвинения, как и прежде, рассматривались как случаи нарушения Кардисского мира. Шведские послы, несмотря на результаты переговоров 1683 г., небезосновательно могли заявить, что в 1676 г. русские «говорили как неприятели и просили земель и городов и грозили войною», задержали королевских послов на съезде месте, «всчали нечаемые дела и просили земель и городов будто мимо правды». На это канцлеру следовало отвечать, что это сделано «за те безстрашные свидетельства бесчестия и досадительствования послов», т. е. за попытки шведов умалить честь и достоинство русских царей. В то же время в наказе говорилось о том, что в дальнейшем русские хотели уладить конфликт, возникший на Меузице.

Русские должны были сказать несколько слов о том, что, возобновив переписку в 1680 г., две стороны не смогли прийти к взаимному согласию относительно места переговоров (в 1680 г. русские настаивали на том, чтобы съезды

состоялись на Меузице; шведы, небезосновательно питая опасения, что русские снова предъявят прежние обвинения и будут требовать уступки Ижорской земли, не поехали на предлагаемое русскими место; в результате переговоры не состоялись)²³.

Готовясь к переговорам 1684 г., русская сторона всерьез опасалась, что шведы вспомнят о ее связях с габсбургской коалицией в период Голландской войны. На случай, если возникнут соответствующие вопросы, В.В. Голицыну и Ивану Васильевичу Бутурлину предстояло настаивать на традиционной дружбе России с Данией и Бранденбургом и говорить, что связи с этими странами «к подозрению причитать не годится». Специально предусматривался и ответ на возможный вопрос К. Гюлленшерна и его спутников относительно того, что во время переговоров 1676 г. на русско-шведскую границу были переброшены многочисленные войска, а русские послы «теми войска грозили войною», из-за чего шведы также держали на русской границе войска и потерпели большие убытки, «а от неприятелей утеснение». На это следовало отвечать, что хотя первоначально людей собирали под Псковом, в дальнейшем они были направлены против султана²⁴. Как показали переговоры, использовать наказ не пришлось.

Переговоры со шведами начались одновременно с переговорами с послами из Вены Себастьяном Блумберком и Иоганном Жировским. Империя, поглощенная борьбой с султаном, в то время считала основным театром действий трансильванский²⁵ и, естественно, хотела добиться, чтобы появился еще один театр военных действий — в Крыму. В своей грамоте русским царям цесарь указывал, что между империей и Францией существовали многие «тлеющие ссоры», но в то же время было важно заключить антиосманский союз между Варшавой и Веной, тем более что после осады Вены османское войско «великой себе урон приняло». В союз с Леопольдом I вступил папа римский, который оказывал помощь деньгами²⁶. Но русские исходили из решения Земского собора, что сначала надо решить вопрос о Вечном мире с Речью Посполитой. С. Блумберг и И. Жировский прибыли в русскую столицу. В.В. Голицын явно торопился скорее завершить переговоры.

Конференции с имперскими дипломатами проходили раз в несколько дней во второй половине мая и начались 16 числа. 16 мая венские дипломаты сообщили об установлении дружбы со шведами.

Цесарские послы 16 и 21 мая стремились втянуть Россию в военные действия против Крыма, уговорить Россию присоединиться к антиосманской коалиции. «О взятии Азова промысл чинить ныне время пристойное», в то время как перемирие с турками ненадежно, они его часто нарушают. Во время этой, а также последующей встречи В.В. Голицын сказал, что вместе с боярами готов идти по линии восстановления союза. В то же время 21 мая, а также во время следующей конференции 27 мая канцлер говорил, что, пока не заключен Вечный мир с Речью Посполитой (при том что Москва не пойдет на территориальные уступки), Россия не может выступить против Крыма.

27 мая С. Блумберг и И. Жировский отметили, что все участники антиосманской коалиции приложат условия, чтобы Киев был возвращен России. Однако В.В. Голицын настаивал, чтобы была дана гарантия заключения Вечно-го мира. Канцлер обсуждал возможность заключить союз с цесарем, «что быть

другу другом, а недругу недругом». На что имперские послы отвечали, что у Империи ненадежные отношения с Францией. Несмотря на неоднократные предложения со стороны цесарских послов, русские отказались от посредничества императора в русско-польских мирных переговорах. Ни о чем не удалось договориться и 31 мая, когда цесарские послы поставили вопрос о периодических нападениях на Крым²⁷.

Еще 10 мая шведы спрашивали В.В. Голицына, была ли получена от польского короля Яна Собеского (1674–1696) реальная помощь в борьбе с султаном. В.В. Голицын подтвердил, что у России заключен союз с цесарем и Речью Посполитой. (В то же время, по его словам, обращенным к К. Гюлленшерну и всей шведской делегации, Леопольд I не оказал поддержки русским.) В отличие от того, что говорилось С. Блюмберку и И. Жировскому, канцлер подчеркнул готовность принять предложение шведов присоединиться к антиосманской лиге²⁸. Но как Россия, так и Швеция вряд ли придавали большое значение вопросу о помощи русским в борьбе против Крыма, тем более что к моменту переговоров в Москве уже был заключен союз Леопольда I и Карла XI. Во всяком случае, в дальнейшем, в том числе после того, как Россия заключила Вечный мир с поляками и был поставлен вопрос о крымских походах В.В. Голицына, никакого обмена посольствами между Стокгольмом и Москвой об оказании помощи против татар не последовало.

Шведские дипломаты, переговоры с которыми продолжались параллельно с переговорами с послами Леопольда I, без труда добились согласия по вопросам, которые никак не удавалось решить ни Г. Оксеншерне, ни тем более при последующих переговорах. В том числе была достигнута договоренность обновить и исправить старый рубеж, хотя до этого возникали ожесточенные споры относительно небольшого участка границы, причем вопрос о том, кому будет принадлежать узкая полоса земли, не имел принципиального значения²⁹. Дополнительные статьи, составленные шведами 22 мая, предполагали проведение границ. Впрочем, несмотря на даваемое согласие, русские не торопились проводить размежевания, вопрос о границе их не беспокоил³⁰. Когда Х. фон Кох очередной раз в 1684 г., после завершения весенних переговоров, поехал в Москву, его основной задачей было договориться об отправлении комиссаров для установления новой пограничной линии³¹. Однако размежевание так и не было проведено.

Особое внимание было уделено положению православного населения Ижорской земли и Корельского уезда, который также по Столбовскому миру оставался за Швецией.

Существенную роль играло обсуждение вопросов торговых отношений. Не первый раз был поднят вопрос о суде по торговым делам — в шведских владениях суд, которому подвергались русские торговые люди, оставался в руках тамошних ратманов, достаточно пристрастно относившихся к русским торговым людям. Русские потребовали, чтобы суд был передан в руки правительственной администрации — королевской канцелярии в Стокгольме и губернаторам прибалтийских городов. К. Гюлленшерн и его спутники сказали, что не имеют соответствующих полномочий³². Уже в следующем, 1685 г., были подготовлены выписки из челобитных псковских и новгородских дворян об убытках и притеснениях шведской администрации³³.

Русские, как всегда, поставили вопрос об ограниченных правах российских купцов вести торговлю в Швеции. Послы дали обещание, что те смогут вести торговлю в шведских городах³⁴.

Пока проходили переговоры с венскими дипломатами, 22 мая состоялся торжественный прием шведских послов в Посольском приказе. 28 мая мир со Стокгольмом был утвержден, в обряде крестоцелования приняли участие оба царя.

Ход переговоров с имперскими и шведскими послами показал, что Россия остается верна решению Земского собора не присоединяться к антиосманской коалиции в составе цесаря и Речи Посполитой, пока не заключен Вечный мир с поляками. Неясно, насколько русские были заинтересованы в расширении лиги за счет других стран, включая Швецию, следуя идее создания широкой коалиции. Видимо, в Москве понимали, что недалек тот час, когда Вечный мир будет заключен и, возможно, Россия реально примет участие в борьбе с Крымом, однако Швеция скорее может оказать помощь Речи Посполитой, чем России. До этого ситуация, когда отношения со Швецией основывались на принципе «ни войны, ни мира», зашла в тупик. Добиться территориальных уступок было невозможно. Так как Кардисский мир не был подтвержден, создавалось препятствие для ведения двумя странами торговли. Принимая в 1684 г. шведское посольство, Россия однозначно выбрала мир со Швецией, в дальнейшем, возможно, участие в борьбе с Крымом. В скором будущем борьбу со Швецией предстояло вести вооруженным путем. Подтверждение мира, как справедливо указывает А.С. Лавров, было «своевременным и взвешенным решением»³⁵. Уже в ближайшее время — в 1686 г. — Россия заключила Вечный мир с Речью Посполитой на условиях Андрусовского перемирия; но голицынские походы в Крым 1687 и 1689 гг. не принесли удачи, а после крымских походов Петра I решение вопроса о получении выхода к Черному морю отложилось на длительный срок.

Заключив союз со Швецией, Россия отказалась как от политики вражды, так и от традиционного союза с Данией и Бранденбургом против Швеции (правда, этот союз никогда не приносил ожидаемых результатов). В то же время этот отказ носил достаточно кратковременный характер.

¹ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). СПб., 1885. Ч. 4. С. 190–191. См. также: *Шамин С.М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 158.

² *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 149–150.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 230.

⁵ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 146. Прим. 2.

⁶ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 160.

⁷ Там же.

⁸ *Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 118.

⁹ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 263.

- ¹⁰ *Форстен Г.В.* Сношение России и Швеции второй половины XVII в. (1648–1700) // ЖМНП. 1899. Сентябрь. С. 49.
- ¹¹ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 263.
- ¹² *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 144.
- ¹³ Там же. С. 145–146.
- ¹⁴ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 265–267.
- ¹⁵ *Zernack K.* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Gießen, 1957. Т. 1. S. 128–131.
- ¹⁶ *Юзефович Л.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV — первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 284–285.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 217. Л. 54–57. Запись переговоров Яна Окрасы с боярами. 22 ноября 1683 г.
- ¹⁸ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 118–119.
- ¹⁹ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 135; *Никольский В.К.* Земский собор о вечном мире с Польшей 1683–1684 г. // Научные труды Индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта. Сер. Социально-экономическая. М., 1928. Вып. 2. С. 5–75.
- ²⁰ *Zernack K.* Op. cit. S. 131.
- ²¹ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 267.
- ²² *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 50–51.
- ²³ РГАДА. Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. Кн. 116. Л. 196 об. – 198 об. Наказ В.В. Голицыну и И.А. Прончищеву.
- ²⁴ Там же. Л. 217–222. Наказ В.В. Голицыну и И.А. Прончищеву. Доп. статьи. Ср.: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 270.
- ²⁵ *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 231, 275.
- ²⁶ Грамота Леопольда I Ивану и Петру Алексеевичам. 28.I.1684 // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1862. Т. 6. С. 266–276.
- ²⁷ Запись переговоров В.В. Голицына с С. Жировским и И. Блумберком. 16, 21, 27, 31.V.1684 // Памятники дипломатических сношений. Т. 6. С. 510–534, 550–573, 591–616. См. также: *Кочегаров К.А.* Указ. соч. С. 275.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 116. Л. 435–435 об. Запись переговоров с К. Гюлленшерна, 10.V.1684.
- ²⁹ Там же. Л. 445–445 об. Роспись, присланная К. Гюлленшерном В.В. Голицыну, 10.V.1684.
- ³⁰ Там же. Л. 534. Дополнительные статьи, поданные шведам. 22.V.1684.
- ³¹ *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 63.
- ³² Русско-шведские экономические отношения в XVII веке. М.—Л., 1962. № 260; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 281–282.
- ³³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. № 122. Выписки из челобитных псковских и новгородских дворян об убытках и притеснениях шведской администрацией.
- ³⁴ Русско-шведские экономические отношения... № 260; *Шаскольский И.П.* Экономические отношения. С. 282.
- ³⁵ *Лавров А.С.* Указ. соч. С. 121.

Г. Карман

ПОПЫТКИ ФЕРЕНЦА II РАКОЦИ ДОБИТЬСЯ ОТ ШВЕЦИИ ПОДДЕРЖКИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ*

Когда в мае 1703 г. Ференц II Ракоци принял решение, что, вернувшись из польской эмиграции, возглавит Тисахатское восстание и возьмет на себя руководство антигабсбургским движением в Венгрии, он со всей ясностью понимал, что, опираясь лишь на силы внутри страны, не сможет тягаться с располагавшей куда более мощным военным потенциалом Империей Габсбургов. Так, с самого начала он приложил немало усилий, чтобы, с одной стороны, добиться успеха на начавшихся ранее переговорах с французским королем и, получив от него финансовую и военную поддержку, придать союзническим отношениям формальный характер и, с другой — максимально расширить круг зарубежных сторонников восстания венгерских сословий. Единственный государь, который в конце концов подписал союзный договор с Ференцем II Ракоци, русский царь Петр I, появился на горизонте княжеской дипломатии только в разгар освободительной борьбы, и только в 1706 г. Ракоци предпринял первые серьезные попытки воскресить традиции Трансильванского княжества и вовлечь в войну Оттоманскую Порту. В начале освободительной войны помимо Людовика XIV и его союзника, баварского курфюрста Максимилиана Эммануила (1679–1706) главной целью дипломатии Ференца II Ракоци был шведский король Карл XII. Как раз в то время, когда молодой государь добивался одного военного успеха за другим, его сначала в 1704, затем в 1705 г. посетили венгерские послы, чтобы попросить поддержки антигабсбургскому движению, и сохранение добрых отношений со шведским королем в дальнейшем оставалось одной из доминант внешней политики Ракоци¹.

Все это тем необычнее, что внешнюю политику шведского короля в те годы определяла борьба против заключенного в 1700 г. датско-саксонско/польско-русского союза². Как император-король Леопольд I, так и его наследник Иосиф I воздерживались (по крайней мере, официально) от участия в череде конфликтов, известных как Большая северная война, и даже из беглого обзора хронологии событий становится ясно, что в первое десятилетие XVIII в. у Карла XII

* Данная статья является переработанным и дополненным вариантом доклада, прозвучавшего на конференции в рамках «Дней Ракоци», проходивших в Москве 27–28 октября 2011 г., и подготовлена при поддержке исследовательской программы фонда ОТКА НК 81984 Венгерской академии наук.

и Ференца II Ракоци не было общего врага. В своей статье я ищу ответ на вопрос, какими доводами дипломатия венгерских повстанцев пыталась убедить шведского короля, что поддержка их антигабсбургской войны соответствует его интересам. В этой связи я прежде всего рассмотрю те содержащиеся в реляциях различных посольств обзоры реально-политической ситуации, в которых приводились доводы в пользу содействия венгерским повстанцам. Затем я проанализирую попытки дипломатии Ракоци найти позитивно-правовые основания в традициях трансильванско-шведского сотрудничества. Наконец, я попытаюсь установить, какую роль в ходе переговоров играл занимавшее важное место в ряду упомянутых традиций конфессиональный аспект.

ОБЩИЕ ИНТЕРЕСЫ?

В феврале 1704 г. канцлер Ференца II Ракоци, Пал Радаи, отправился в путь из лагеря венгерских повстанцев в Мишкольце, чтобы встретиться с Карлом XII. По дороге он — сначала во Львове, затем в Варшаве — провел переговоры с польскими аристократами, затем, двигаясь дальше на север, в конце марта разыскал шведского короля в его главной ставке в эрmlandском³ городе Хейльсберге. Радаи пришлось некоторое время дожидаться королевской аудиенции; его удостоил встречи только канцлер Карл Пипер, которому он смог передать излагавший цели посольства меморандум. Карл XII принял венгерского дипломата только в середине апреля, и получив ответное письмо короля к Ракоци, Пал Радаи продолжил путь в Королевство Пруссию, поскольку в его миссию входил также визит к Фридриху I⁴.

В распоряжении историков нет информации о том, как проходила подготовка посольства, из инструкции Ракоци не вполне ясно, чего следовало добиться Радаи в процессе переговоров со шведским королем⁵. О военной помощи речь не шла, более того, в инструкции особо подчеркивалось, что в настоящий момент Карлу XII уже только потому особо выгодно заключить соглашение с Ракоци, что венгерским повстанцам не нужна ни военная, ни финансовая помощь. Мы вряд ли ошибемся, если сочтем это дипломатическим ходом, призванным успокоить шведского короля. Вместе с тем в 1703 г. восстание в Венгрии в самом деле не встречало серьезного отпора, поскольку основные силы Габсбургов были заняты на западном фронте, в операциях против французской и баварской армий. Ракоци прекрасно понимал, что в случае, если расстановка сил в Войне за испанское наследство со временем изменится, ему может потребоваться и финансовая, и военная помощь, и не исключал, что придется просить субсидии у французов⁶. При этом князь, скорее всего, не надеялся получить такого рода поддержку от шведского короля, поэтому делал ставку на дипломатическое сотрудничество. В одном из пунктов инструкции Радаи поручалось поинтересоваться, нельзя ли включить в шведско-пруссский альянс также венгерские сословия, в другом пункте — добиться от Карла XII поддержки будущего венгерско-польского союза. Наконец, князь хотел, чтобы — если по окончании войны Людовик XIV включит Ракоци в число договаривающихся сторон — шведский король, в свою очередь, гарантировал бы ему защиту от Габсбургов⁷.

Неизвестно, насколько Ференц II Ракоци отдавал себе отчет в том, что заключенный 30 июля 1703 г. шведско-польский альянс был всего лишь одним малозначительным эпизодом в цепи быстроменяющихся военных и дипломатических событий той эпохи. В любом случае, современникам, прослышавшим о заключении альянса и еще не знавшим о точном содержании документа, показалось, что речь идет о повторении имевших место в 50-е годы XVII в. попыток расчленить Польско-Литовскую конфедерацию⁸. Глядя на успехи молодого шведского короля, этому не приходилось удивляться: вся Европа восхищалась тем, как Карл XII одерживал одну за другой победы над сложившейся против него в 1700 г. коалицией. Датского короля Фридриха IV (1699–1730 гг.) он уже в августе принудил поспешно заключить мир, когда при поддержке голландского и английского флота высадился на острове Зеландия и стал грозить осадой вражеской столице⁹. В ноябре Карл нанес поражение армии царя Петра, штурмовавшей крепость Нарва, и затем, повернув на юг, в июле 1701 г. при переправе через Двину одержал победу над войском польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного. Хотя годом ранее Август вторгся в Шведскую Ливонию во главе исключительно саксонских войск, т. е. в качестве курфюрста, не прошло и года, как Речь Посполитая тоже втянулась в конфликт. Карл XII отверг мирные инициативы противника и, поддержанный частью польского и литовского дворянства, заявил: конфликт может быть завершен лишь в том случае, если Августа лишат польского престола. Вовлечение сословий Польско-Литовской конфедерации не означало, однако, что начинается затяжной политический маневр с участием многих игроков, поскольку шведский король помимо своих военных успехов мог похвастаться лишь скромными политическими достижениями. Он вступил в Варшаву, дважды нанес поражение войскам Августа (в которых на этот раз были поляки) при Пултуске и Клишове, затем захватил Торунь. Вскоре после того, как Радаи отправился в путь, 16 февраля 1704 г., заседавший в Варшаве сейм лишил Августа престола. На стороне шведского короля выступала только часть польско-литовского дворянства, Август же не желал отказываться от престола и усилил союз, заключенный с царем Петром, начавшим продвигаться вглубь Ливонии, занимая там одну за другой крепости¹⁰.

Хотя к Карлу XII обратились представители обеих сторон, вовлеченных в Войну за испанское наследство, — как традиционно считавшийся союзником шведов Людовик XIV, так и морские державы, — неудивительно, что молодой государь приложил все усилия, чтобы не связывать себя обязательствами вмешаться в новый вооруженный конфликт¹¹. Жертвой этого стремления пал посол Радаи, причем еще до того, как прибыл в ставку короля. Шведский канцлер Карл Пипер подробно проинформировал секретаря Ракоци о том, что в ответ на просьбу императорского посла его суверен недавно пообещал не оказывать помощи повстанцам, поднявшим оружие против Леопольда I¹². Поэтому Радаи в меморандуме к Карлу XII даже не упоминал о присоединении венгерских сословий к шведско-прусскому альянсу, а просил только о возможности союза с поляками и дипломатической поддержке в связи с гарантиями мирного договора. Потеряло смысл и то, что, помимо мотиваций, относящихся к традициям и протестантизму, на которых я остановлюсь позднее, венгерский посол прибег к доводам актуально-политического характера, заявив: в случае заключения союза с

поляками Карл XII может при необходимости получить поддержку, в том числе и из Венгрии.

В меморандуме Радаи, помимо рассуждений о восстановлении баланса сил в Европе (которые вряд ли звучали убедительно), упоминался только один конкретный вопрос: поможет ли Карл XII трансильванскому князю, если на него по наущению Вены нападут османы? В момент написания инструкции послам руководители восстания действительно верили в возможность такой, на самом деле маловероятной, атаки, и поскольку противодействие «врагу христианства» было одной из наиболее легко мобилизуемых стратегий современного европейского международного порядка, они видели в нем единственную возможность шведско-венгерского сотрудничества¹³. В довольно расплывчатом шведском ответе по этому поводу содержалось всего лишь одно замечание: Карл XII не упустит возможности послужить благу христианского мира. И без того двусмысленный с дипломатической точки зрения ответ обесценило то обстоятельство, что его подписал не король, а канцлер. Таким образом, Ференц II Ракоци и венгерские сословия не были признаны равными партнерами, каковой жест мог бы в дальнейшем послужить для легитимации движения¹⁴.

Помимо прочего, эти события были важны еще потому, что 8 июля 1704 г. на собрании трансильванских сословий Ференца II Ракоци, до того носившего только титул князя Священной Римской империи, избрали трансильванским князем, что дипломатический корпус новоиспеченного государя поспешил довести до сведения Карла XII¹⁵. Новое посольство, отправившееся к шведскому королю весной 1705 г. с этой новостью, надеялось встретить более серьезное к себе отношение.

В отличие от дипломатической миссии, направленной год назад, архитекторы княжеской внешней политики отнеслись к формулировке предложений гораздо серьезнее. Вновь пустившемуся в путь Палу Радаи предстояло наряду с обсуждением общих контуров польско-венгерского союза добиться желанной шведской поддержки. По мысли Ференца II Ракоци, союзники, вторгшись в Силезию, вынудили бы императора пойти на заключение мира, затем, когда саксонский курфюрст был бы разбит и на европейском фронте воцарился бы мир, можно было бы совместно двинуться на усмирение Петра I и отвоевание утерянных шведских владений. Наряду с изложением отделенных стратегических планов послу Ракоци предстояло передать, что князь не возражал бы против обмена воинскими формированиями: предлагая королю венгерскую легкую конницу, князь рассчитывал получить помощь в виде шведской тяжелой кавалерии¹⁶. О самоуверенных прошлогодних декларациях, что освободительное движение не нуждается ни в солдатах, ни в деньгах, речи больше не было, и хотя Радаи в меморандуме, поданном Карлу XII, хвалился захватом пятидесяти крепостей, было очевидно, что поражение в битве под Надьсомбатом и потеря большей части Задунавья существенно скорректировали внешнюю политику князя¹⁷.

Таким образом, Ференцу II Ракоци и его советникам удалось не только выработать предложения, но и подвести под них политическое обоснование. Хотя очевидного общего врага найти так и не удалось, но как в инструкциях, данных Радаи, так и в меморандуме посла содержались ссылки на то, что Леопольд I, как и со временем наследующий ему Иосиф I, открыто поддерживает русского

царя¹⁸. Между тем план совместного вторжения в Силезию позволил бы Карлу XII решить одну важную дилемму. После сейма, низложившего Августа, шведскому королю на новом сейме в июле 1704 г. удалось добиться избрания новым королем Станислава Лещинского. Этот год наряду с многочисленными мелкими победами принес несколько ощутимых поражений (например, осенью войска Августа захватили Варшаву), и стало ясно, что легитимность власти Станислава I до тех пор останется под вопросом, пока не удастся убедить Августа отречься от польского престола¹⁹.

Для вовлеченных в конфликт держав было очевидно, что самый простой способ принудить Августа к отречению — не пытаться установить военный контроль над необъятной по территории Польско-Литовской конфедерацией, но напасть на курфюрста в его наследственных владениях — Саксонии. Проблема заключалась в том, что у Речи Посполитой и Саксонии не было общей границы, поэтому шведским войскам пришлось бы проходить или через Бранденбург, с правителем которого Карл XII недавно возобновил договор о взаимном нейтралитете, или через земли императора Священной Римской империи. Поэтому, когда зимой 1704—1705 гг. Карл XII выбрал в качестве ставки верховного главнокомандования расположенный близ силезской границы город Равич, чтобы воспрепятствовать проходу новых саксонских частей на территорию Речи Посполитой, этот его шаг возбудил некоторое беспокойство в венских придворных кругах, что, возможно, побудило Ференца Ракоци отправить к королю новое посольство²⁰.

То, что на этот раз концепция князя — в отличие от прошлого года — была детально проработана, следует и из максимально широкого теоретического обоснования инструкции, данной Радаи. В частности, там говорилось, что поскольку Карл XII мог опасаться нарушения европейского баланса сил в связи с выходом Венгрии из сферы влияния Габсбургов, образовавшуюся пустоту мог бы заполнить гораздо более сильный, чем Священная Римская империя, шведско-польско-венгерский альянс²¹. К сожалению, доводы подобного рода не впечатлили шведского короля, который принял Радаи со всей любезностью, но не дал никаких обещаний, к тому же, как и в первый раз, дал письменный ответ Ференцу II Ракоци от имени своего канцлера²². Карл XII по-прежнему не желал возбуждать подозрений в глазах Габсбургов, будто он поддерживает венгерских повстанцев, и не только по той очевидной причине, чтобы не пополнять и без того уже многочисленный лагерь своих врагов еще одной великой державой, но и — как доверительно сообщил послу королевский секретарь Олоф Хермелин — из-за своих обязательств перед Англией и Голландией²³. Эти государства в Войне за испанское наследство сражались на стороне императора и не потерпели бы любых антигабсбургских шагов шведского короля, более того, не без их давления Карл XII отказался (по крайней мере на время) от того, чтобы вступить со своим войском на территорию Священной Римской империи с целью нападения на Саксонию. Так или иначе, шведскому королю как воздух была необходима благосклонность морских держав, ибо именно они выступали гарантами мира, заключенного с Фридрихом IV, чтобы, пока Карл XII воюет в Польше, честолюбивый датский король не ударил бы ему в тыл, пойдя войной на Швецию²⁴. Таким образом, Карл XII не мог пообещать ничего, кроме новой попытки посредничества между венграми и венским двором, после того как годом ранее

Леопольд отверг сходное предложение²⁵. В то же время король благосклонно выслушал предложение трансильванских дипломатов направить в Османскую империю послов с предложением начать новую русско-турецкую войну. В течение 1705 г. королевский секретарь Хермелин и Радаи обменялись несколькими письмами (шведы сознательно избегали прямых сношений между Карлом XII и Ракоци), но поскольку посольству к султану быстрого успеха добиться не удалось, вопрос был снят с повестки дня²⁶.

В последующие два года до направления послов дело так и не дошло, но это не означало, что Ференц II Ракоци и Карл XII пребывали в неведении относительно намерений и действий друг друга. Французский агент Филипп Грофей, находившийся при шведском короле, поддерживал связь не только со своим коллегой в стане Ракоци — Пьером Пюшо-Дезаллёром, но и лично с князем²⁷. В 1706–1707 гг. Карл XII воплотил свои планы в жизнь и напал на Силезию, а Ференц II Ракоци через своего агента, отчасти при поддержке Людовика XIV, начал прощупывать почву, не послать ли ему новое посольство с предложениями о сотрудничестве²⁸. Это имело бы смысл уже потому, что в тот период король осуществлял давление на императора: на деле военным давлением удалось добиться того, что 1 сентября 1707 г. император Иосиф I гарантировал права силезских протестантов, зафиксированные в Вестфальском мирном договоре (1648 г.)²⁹.

Но в то время двор Ракоци пребывал в возбуждении по совершенно иному поводу: хотя в 1706 г. по Альтранштедтскому договору Карл XII вынудил Августа отказаться от польского престола, часть польских аристократов, объединившихся в Сандомирскую конфедерацию, и поддерживавший их Петр I не желали признавать Станислава королем Речи Посполитой, а в мае 1707 г. Давид Иванович Корбе передал Ракоци предложение царя Петра занять польский трон. После некоторых раздумий князь пришел к выводу: предложение царя позволяло решить крупнейшую проблему его внешней политики — нехватку легитимности власти, вследствие чего европейские венценосные особы не считали Ракоци равным им по рангу партнером на переговорах³⁰. Однако Ракоци не желал из-за принятого решения оказаться во враждебных отношениях с поддерживавшим Станислава шведским королем, поэтому от имени Радаи послал меморандум шведскому генералу Карлу Густаву Реншёльду (1651–1722), содержание которого тот, разумеется, довел до сведения своего государя. В документе неоднократно подчеркивалось, что не в интересах Ференца II Ракоци чинить препятствия Карлу XII; князь предлагал провести новые выборы короля и пытался вновь разыграть карту, уже использовавшуюся на переговорах в 1705 г., когда русские и австрийцы чуть было не заключили союзный договор³¹.

Как сам Ференц II Ракоци позднее писал в своих мемуарах об ответе, полученном от Карла XII: «Я должен был и далее сражаться с царем, ибо сам он, шведский король, вскоре вторгнется в Польшу и разобьет его»³². Между тем воспоминания полкового священника шведского короля рисуют несколько отличную картину: выходит, что Карл XII через Олофа Хермелина проинформировал князя о том, что будет считать своим врагом всякого, кто попытается поднять оружие против Станислава или Польши³³. В дальнейшем князь еще раз попытался, чтобы Карл XII, своим молниеносным броском в Польшу осенью 1707 г. перечеркнувший надежды Ракоци на польскую корону, не отвернулся от него полностью: трансильванские